

ГЛАВА 1

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ССЫЛКИ УЧАСТНИКОВ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 ГОДА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1.1. География польской ссылки в Западной Сибири

Проблема численности и состава ссыльных участников восстания 1863 г. начала разрабатываться современниками событий, но до сих пор является одним из спорных вопросов истории поляков в России. Интерес к теме постоянно подогревался желанием польской общественности выяснить, «какую цену заплатил польский народ за Январское восстание»¹. Уже некоторые повстанцы, сосланные вглубь империи, начинают собирать информацию о репрессированных соотечественниках. Так В. Шувальский на полях и между строк в молитвеннике зафиксировал 1 143 фамилии ссыльных с информацией о приговоре и месте отбытия наказания². Список поляков, находящихся на каторге в Усолье с апреля по сентябрь 1868 г., опубликованный А. Гиллером, содержал сведения о 401 ссыльном³. Оценки общей численности сосланных в Сибирь повстанцев, предложенные современниками событий, были весьма разнообразны и, как правило, завышены. Последнее, по мнению З. Либровича, в некоторой степени объясняется недостаточным отделением в польских источниках сибирской ссылки от ссылки в Россию вообще⁴.

Наиболее ранним российским вариантом подсчетов являются данные С. В. Максимова. Опираясь на официальные источники, он полагал, что

¹ С попыткой ответить на этот вопрос С. Стшижевская связывает необходимость определения наиболее достоверного количества человек, подвергшихся репрессиям за участие в восстании 1863 г. (*Стшижевская С.* Ссыльные участники Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. С. 127).

² *Сликовская В.* Молитвенники польских ссыльных как источник сведений о судьбах поляков Восточной Сибири // Сибирско-польская история и современность. Иркутск, 2001. С. 69–72.

³ *Сликовская В., Шостакович Б.* Агатон Гиллер как исследователь Восточной Сибири и первый историк сибирской ссылки поляков // Сибирская ссылка. Вып. 1. С. 13.

⁴ *Librowicz Z.* Polacy w Syberji. S. 163.

в Сибирь было выслано 18 623 повстанца: 10 407 – в Западную и 8 199 – в Восточную¹. Эти цифры, как наиболее правдоподобные, перекочевали во многие современные исследования².

В советской историографии научную актуальность вопроса о численности и составе польской ссылки связывали с необходимостью анализа теории и практики политической борьбы поляков³. Социально-партийная характеристика контингента политических узников использовалась для раскрытия роли классов и партий в освободительной борьбе⁴. Количественные и качественные показатели польской ссылки служили основой для характеристики социальной структуры Царства Польского и движущих сил восстания. При этом основное внимание исследователей было сосредоточено на общих цифрах по России, Сибири или отдельным губерниям. С. Ф. Коваль, опираясь на отчеты генерал-губернаторов и документы МВД, говорит о примерно 22 тыс. сосланных в Сибирь повстанцах, из которых 10 898 были направлены в Западную Сибирь. Л. П. Роцевская на основе отчетов тобольских губернаторов выявила, что в Сибирь было выслано 23 056 повстанцев: 10 779 – в Западную и 12 277 – Восточную⁵. Исследователь представила ряд приложений по размещению ссылных в различных регионах Сибири. Однако предложенный ею вариант динамики польской ссылки в Западной Сибири (1864 г. – 744 человека, 1865 г. – 469, 1866 г. – 1 855, 1867 г. – 557, 1871 г. – 889) содержит неполные данные по ряду населенных пунктов⁶.

В настоящее время изучение количественных и качественных характеристик ссылки связывают с задачей выявления особенностей процесса адаптации поляков в иноэтничном окружении, определения масштаба и направления воздействия польского элемента на принимающее общество.

¹ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. III. С. 358.

² Кашихин Л. С., Копылов Д. И., Митина Н. П., Пекун Б. Г. Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. С. 13; Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне... Минск, 1985. С. 68; *Kaczuńska E.* Wstęp. S. 66.

³ Роцевская Л. П. Основные проблемы и вопросы историографии политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX века // Вопросы истории Западной Сибири. Вып. I. Тюмень, 1974. С. 70.

⁴ Вопрос о численности и составе политических узников Тобольской каторги А. П. Михеев использует для подтверждения гегемонии пролетариата, его союза с крестьянством в эпоху демократической революции (*Михеев А. П.* Численность и состав политических узников Тобольской каторги (1905–1917 гг.) // Революционная и общественная деятельность ссылных большевиков в Сибири (1903 – февраль 1917 г.): опыт, историография, источниковедение. Омск, 1989. С. 12.

⁵ Роцевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – нач. 80-х гг.). Тюмень, 1976. С. 79–80.

⁶ Там же. С. 82.

Разногласия в подсчетах сохраняются. Они вызваны, прежде всего, использованием разных источников. Российские исследователи, в основном, анализировали материалы сибирских архивов, фиксирующие реальное количество польских ссыльных на местах в отдельные периоды времени. Польские исследователи преимущественно опирались на документы, позволяющие оценивать объем ссылки по приговорам. Так С. Стшижевская делает выводы, главным образом, на основе списков повстанцев и лиц, поддержавших восстание и приговоренных к ссылке «в империю». Списки составляют 24 рукописных тома, хранящихся в Варшаве в Главном архиве старых актов в фонде Управления генерал-полицмейстера в Королевстве Польском. Сравнение данных этого источника с «Отчетом о количестве политических преступников, сосланных из Королевства Польского в империю на поселение, в арестантские роты и на общественные работы при ротах, а также помилованных, которым разрешено возвращение домой и умерших в ссылке с момента ссылки», по мнению С. Стшижевской, позволяет достаточно точно определить общее количество ссыльных повстанцев¹. Но, к сожалению, это касается только уроженцев Царства Польского. Таковых в Сибири оказалось 3 223 человека: 1 892 представителя повстанческого руководства и 1 331 рядовой повстанец-союзник из числа шляхты.

Другой польский исследователь Л. Заштовт, опираясь на материалы Департамента духовных дел иностранных исповеданий, выяснил, что число католиков в Сибири увеличилось с 1863-го по 1868–71 гг. более чем на 24 тыс. человек только в больших центрах и их окрестностях². В это число включены не только повстанцы, но и члены их семей. Сам исследователь называет свои подсчеты «оценочными». С одной стороны, учитывались данные не из всех районов Российского государства, с другой, существует возможность дублирования некоторых данных, прежде всего, относящихся к так называемым «этапным губерниям»³.

В настоящее время, как наиболее реальный, внимание историков более привлекает спектр оценок численности ссыльных повстанцев в Сибирь в приблизительном количестве около 20 тыс. человек⁴. Поскольку большинство подсчетов отличается гипотетичностью, при сравнении цифр исследователи более обращают внимание не на конечные значения,

¹ *Стшижевская С.* Ссыльные участники Январского восстания. С. 128.

² *Заштовт Л.* Депортации и переселения польского населения из Западных губерний вглубь Российской империи после Январского восстания 1863–1864 гг. // *Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры.* Казань, 1998. С. 168.

³ Там же. С. 169.

⁴ *Śliwowska W.* Polscy zesłańcy polityczni na Syberii w pierwszej połowie XIX wieku. Mity i rzeczywistość. S. 248.

а на соотношение пропорций ссылки: различных социальных, возрастных групп ссыльных, приговоров и т. д. Появление новых вариантов подсчетов на основе статистических данных зависит от выявления новых источников, позволяющих зафиксировать общее количество ссыльных.

Проблематичным для характеристики численности, состава и географии водворения вынужденных польских мигрантов является использование некоторыми исследователями материалов Переписи 1897 г.¹ Этот источник не позволяет определить количественное соотношение между ссыльными поляками и лицами, прибывшими в Сибирь добровольно². Тем более, к 1897 году многие повстанцы либо ушли из жизни, либо возвратились на родину. На основании материалов Переписи можно говорить только о существовании в Сибири в конце XIX века польской диаспоры в размере 23 985 человек³. Реально же поляков было больше, так как те из них, кто жил в Сибири и принадлежал ко второму поколению, были зачислены в состав россиян⁴.

То же самое можно сказать и по поводу использования для характеристики рождаемости и браков у ссыльных поляков данных метрических книг, где учитывались как политические ссыльные, так и добровольно прибывшие поляки, а также поляки-уголовники.

В настоящее время статистическая методика подвергается критике. Исследователи отмечают недостатки русской и советской статистики, запутанность делопроизводства о ссыльных⁵. Развернутую критику статистического метода и «смешанной» методики, сочетающей в себе приемы статистического анализа и «персонального подхода», представил П. Л. Казарян. По его мнению, на их основе возможно только выяснить численность ссыльных в определенных хронологических рамках или в отдельные годы⁶. Будущее исследователь видит за «персональной

¹ *Пяткова С.Г.* Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период. С. 13.

² *Skubniewski W.A.* Polacy na Syberii w świetle materiałów spisu powszechnego z 1897 r // *Wrocławskie Studia Wschodnie*. 1999. № 3. S. 73–82.

³ *Скубневский В.А.* Польское население Сибири по материалам Переписи 1897 г. // *Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры*. С. 171.

⁴ *Кaczyńska E.* Wstęp. S. 75.

⁵ М. Гавенцки говорит о существующей с 1920-х гг. в польской науке традиции корректировать советские статистические данные, касающиеся численности поляков в СССР, путем умножения на коэффициент 2–2,5 (*Гавенцки М.* Поляки в этнической структуре Казахстана. Прошлое, настоящее и будущее // *Вестник Омского университета*. 1998. № 2 (8). С. 53–59).

⁶ *Казарян П.Л.* Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в Якутской ссылке. Якутск, 1999. С. 7.

методикой», понимая под ней «не механический подход, то есть перенос фамилии ссыльного из одного списка в другой, а его включение в состав той или иной категории ссыльных только после документального подтверждения причины ссылки»¹.

Первые попытки определения количественных и качественных характеристик польской ссылки через восстановление её персонального состава присутствовали еще в 1980-е гг. Л. К. Островский установил имена 2 001 польского политического ссыльного и каторжанина, отбывавшего наказание в Сибири со второй половины 90-х гг. XIX в. до 1917 года². И. Н. Никулина представила персональный состав участников восстания 1863 г. и революционеров-демократов 1860-х гг., сосланных на Алтай³. Комплексное изучение якутской политической ссылки по округам – колониям позволило П. Л. Казаряну полностью восстановить состав повстанцев, отбывавших ссылку в Олекминском округе, установить факт пребывания в Якутской ссылке 255 польских повстанцев, представить динамику польской ссылки в Якутии⁴.

В Польской академии наук под руководством профессора В. Сливовской реализуется масштабный проект по созданию компьютерной Базы данных о польских ссыльных в России⁵. Часть этих сведений была систематизирована в библиографическом словаре «Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века»⁶. Словарь включил 3 500 персоналий. В настоящее время база данных содержит информацию примерно о 40 тыс. участников Январского восстания, сосланных вглубь империи. Аккумулирование большого количества сведений позволяет польским историкам снабжать собственные исследования мощными комментариями,

¹ Там же.

² *Островский Л. К.* Численность, состав и размещение польских политических ссыльных в Сибири (середина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 140–148.

³ *Никулина И. Н.* Политическая ссылка на Алтай в XIX в. (20–90-е гг.). Дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Томск, 1990.

⁴ *Казарян П. Л.* Олекминская политическая ссылка. 1826–1917 гг. Якутск, 1996; *Он же.* Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в Якутской ссылке. Якутск, 1999.

⁵ *Сливовска В.* Составление «Словаря польских ссыльных первой половины XIX в.» и компьютерной базы данных о польских ссыльных-участниках восстания 1863 г. в Институте истории Польской академии наук // Польская ссылка в России XIX – XX веков: региональные центры. С. 15–19.

⁶ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1998.

включающими основную информацию о ссыльных, упомянутых в тексте работы¹. Данные «Картотеки участников Январского восстания» стали основой для анализа воспоминаний Я. Гейштора и обработки составленного им списка товарищей по изгнанию 1863–1873 гг.² На основе картотеки проведены исследования отдельных групп ссыльных, но попыток построить на основе персональной методики целостную картину польской ссылки в масштабах Западной Сибири не предпринималось³. На основе статистической методики более всего изучена динамика поступления поляков в регион и их распределение по населенным пунктам. Менее всего – процесс оттока, география миграций ссыльных внутри региона, и особенности состава отдельных колоний.

Поступление польских ссыльных в регион начинается с 1863 года⁴. Первыми повстанцев принимают губернские центры. В Омск в этом году поступили 7 политических преступников, в Тобольск – 2, в Томск – 25. Кроме того, 7 поляков были причислены в военные батальоны Западной Сибири (П. Боровский, Ф. Войцеховский, О. Гомулицкий, И. Давыдович, Я. Филон, Б. Фрицлер, Ф. Фрицлер). В 1864 году приток ссыльных резко увеличивается. За этот год прибывает более половины повстанцев, отбывавших наказание в регионе (57,7 %). В Томской губернии объем ссылки увеличивается значительно интенсивнее: за 1864 год губерния приняла более 67 % всех повстанцев, сосланных в губернию до конца 1870 года, а Тобольская губерния – только около 30 %. Рост числа ссыльных произошел за счет увеличения ссылки и в губернские, и в окружные города, но, прежде всего, за счет массовой высылки повстанцев в округа Западной Сибири. Примерно три четверти повстанцев, отбывавших в них наказание, прибывает именно в этом году. Большая их часть поселяется в сельских населенных пунктах Томской губернии. Заполнение поляками округов Тобольской губернии шло более медленными темпами и относительно равномерно распределялось между 1864, 1865 и 1866 гг.

В 1865 году приток ссыльных в округа Западной Сибири снижается почти в пять раз, но по другим видам населенных пунктов интенсивность притока изменяется незначительно. Резкий спад поступления повстанцев

¹ См., например: *Jędrychowska B.* Polscy zesłańcy na Syberii (1830–1883). Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna. S. 207–240.

² *Śliwowska W.* Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych. Warszawa, 2000.

³ См., например: *Micińska M.* Galicjanie – zesłańcy po powstaniu styczniowym. Zesłanie w głąb Cesarstwa Rosyjskiego – Działalność księdza Ludwika Ruczki – Powroty. Warszawa, 2004.

⁴ См. Приложение 1.

в губернские и окружные города происходит только в 1866 году. В целом, до конца 1866 года в Западную Сибирь прибывает 93,8 % всех сосланных в регион участников Январского восстания.

Более сложной оказалась динамика поступления ссыльных в малые города. Нарым заселяется ссыльными ещё в 1864 году, в остальные населенные пункты этой группы поляки прибывают в течение всего рассматриваемого периода, и нет оснований говорить о снижении притока ссыльных после 1866 года. Но общий объем польской ссылки в малых городах оставался незначительным.

Политические составляли большую часть польских ссыльных в исследуемый период. С 1863-го до июня 1865 г. в Омск прибывает только 8 гражданских ссыльных из поляков (Ф. Хмелевский, А. Марловский, М. Пиотровский, Д. Чижевский, О. Краснопольская, К. Боровский, П. Крупицкий, В. [Можайко]), что составляло около 5 %¹ от прибывших за этот период в город ссыльных повстанцев². В Мариинске в 1870-е гг. в ссылке за уголовные преступления находилось 12 католиков, а в Кузнецке – только один³. Это составляло соответственно 17 и 7 % от количества находящихся в этих городах политических преступников⁴.

Уменьшение притока ссыльных во второй половине 1860-х гг. сопровождалось прибытием из Восточной Сибири каторжан, получивших облегчение участи на основании закона от 16 апреля 1866 г. Их, в основном, направляли в губернские центры, очевидно, чтобы установить более бдительный надзор. Так, в Омск в 1868 году из Енисейской губернии прибыли Иван Выгоновский⁵ и Симфорам Гдовский⁶, в 1869-м из Иркутской губернии – Людвиг Франц Скошский⁷, в 1870-м – Филипп Мокржецкий, затем – Александр Павловский⁸. В Тобольск зафиксирован приезд в 1868 году из Енисейской губернии Станислава Боржиховского⁹, в 1870-е

¹ Мулина С. А. Участники восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке: анализ численности и персонального состава // Вопросы социальной истории России конца XVIII – начала XX вв. Омск, 2004. С. 82.

² ИсАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 496. Л. 291–298.

³ Ханевич В. А. Католики в Кузбассе (XVII – XX вв.). Кемерово, 2009. С. 59.

⁴ В 1871 г. в Мариинске находилось 92 политических преступника, а в Кузнецке – 14 (Ханевич В. А. Католики в Кузбассе (XVII – XX вв.) С. 51; Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – нач. 80-х гг.) С. 82).

⁵ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7918.

⁶ Там же. Л. 31 об. – 32; Ф. 14. Оп. 1. Д. 520. Л. 17–18.

⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 520. Л. 39–41.

⁸ Там же. Л. 49 об., 50; Д. 705. Л. 8.

⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7583.

гг. — каторжан Адольфа Бердовского и Карла Крысинского¹. Кроме того, в регион продолжают поступать бывшие узники арестантских рот Европейской России. Первые представители этой категории появляются еще в 1864 году: К. Коркуцу по состоянию здоровья ссылка в арестантские роты была заменена ссылкой на жительство. Некоторые, как М. Уминский, прибывают в Западную Сибирь после окончания срока работ, но большая часть ссыльных была отправлена за Урал из арестантских рот по высочайшему повелению от 16 апреля 1866 г.

Сложно сказать, когда заканчивается приток ссыльных в регион. Манифест 17 мая 1867 г. предусматривал прекращение всех дел, связанных с восстанием. Но участие в восстании продолжало служитьотягчающим обстоятельством при рассмотрении последующих уголовных и политических преступлений. С. Стшижевская датирует 16 июля 1880 г. последнюю партию с повстанцами, отправленную из Царства Польского в Сибирь. Из находившихся в ней 80 человек, 46 были осуждены за участие в восстании, в основном, за связь с народной жандармерией². Кто из них осел в Западной Сибири, нам неизвестно.

*Миграции ссыльных поляков по территории Сибири*³ охарактеризовать намного сложнее. Среди подобных перемещений частым явлением были «неофициальные визиты», совершенные ссыльными без согласия властей и временные отлучки. По инициативе администрации перемещения поляков в рамках Западной Сибири происходили в двух случаях. Во-первых, ссыльных перемещали с целью обеспечения за ними более удобного и бдительного надзора. В 1864 году из-за пожаров группа поляков была переведена из Кургана в Омск⁴. В июне 1868 г. власти попытались переселить политических преступников из Кузнецка в Мариинск или Мариинский округ, поскольку Кузнецкий округ относился к землям Кабинета е. и. в. и не подлежал заселению ссыльными⁵. В июне 1866 г. полиция показалось подозрительным, что ссыльные Сургута ходили мимо порохового погреба, в результате чего все они были переведены в Березов⁶. Кроме того, большой наплыв поляков, погрешности в работе Тобольского приказа о ссыльных спровоцировали многочисленные перетасовки повстанцев на местах, особенно в первые годы ссылки.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Д. 708. Л. 7–8 об.

² Стшижевская С. Ссыльные участники Январского восстания. С. 128.

³ См. Приложение 3.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 126. Л. 39 об.

⁵ Ханевич В. А. Католики в Кузбасе (XVII – XX вв.). С. 56.

⁶ Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – нач. 80-х гг.). С. 81.

Насильственное перемещение из одной местности в другую власти использовали также в качестве наказания по отношению к отдельным ссыльным, вступившим в конфликт с местной администрацией. «За испорченную нравственность и развратное поведение» из Омска были высланы В. Окмянский и Ф. Бернацкий в Тару; А. Фальковский и А. Эйдмонт в Туринск; П. Нарбут и Б. Разводовский в Пелым; Ц. Ясевич в Сургут, а И. Белевич и Б. Жебровский в Тобольск для дальнейшего распределения в северные районы губернии. Чаще всего в качестве наказания ссыльных перемещали в Березов, Сургут, Пелым или Нарымский край, поэтому в этих местностях рост объема ссылки наблюдается в течение всех 1860-х гг.

Значительно чаще инициаторами переселения становились сами ссыльные. Просьбы о перемене места жительства являлись одним из наиболее распространенных видов прошений ссыльных. Прибывая в Тобольск, ссыльные начинали досаждать властям просьбами об оставлении их в городе. Привлекательность Тобольска по сравнению с другими населенными пунктами была очевидной: губернский центр, костел, большая польская диаспора. Однако оправдывали свою просьбу повстанцы, как правило, ссылкой на расстроенное здоровье. Прощения подавались на имя начальника Тобольской губернии и, если получали его поддержку, то следовали далее в Совет Главного управления Западной Сибири. Вопрос решался на генерал-губернаторском уровне. Пока документы проходили все необходимые формальности, ссыльных, как правило, из тюремного замка перемещали на вольные квартиры.

Местные власти часто выступали в поддержку подобных прошений, но Министерство внутренних дел всячески ограничивало контингент ссыльных в столице губернии. Перемещение ссыльных с востока на запад не поощрялось, поскольку рассматривалось как облегчение наказания. Так, Якобу Поплавскому и его жене, обратившимся с просьбой оставить их на жительстве в Тобольске, было отказано по причине того, что они были сосланы в Томскую губернию¹. Оставить их в Тобольской губернии означало изменить конфирмацию. В сложной ситуации оказались супруги Юзефович. Дворянин Ян Юзефович был назначен на жительство в Омск, куда прибыл 7 декабря 1865 г. Через год временный полевой аудиториат приговорил к ссылке на жительство его жену Юлию, но уже в Томскую губернию. Начальник Тобольской губернии нашел довольно хитрый способ соединить супругов. Чтобы не нарушать судебное решение о Юлии, он назначил ее в Омск, но не на постоянное, а на «временное жительство

¹ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5746.

впредь до особого распоряжения». Начальство же заверил, что в будущем отправит её в Томскую губернию вместе с мужем. Реальность оказалась иной: «временное жительство» Юлии Юзефович в Омске продолжалось около четырех лет, до тех пор, пока она вместе с мужем не переехала в рамках амнистии в Вятскую губернию¹.

Просьбы ссыльных переселиться в восточном направлении тоже присутствовали и, как правило, были связаны с желанием ссыльного соединиться с родственниками. Так, дворянин К. Бабашинский ходатайствовал о перемещении его из Томской губернии в Иркутск для совместного проживания с братом. Состоящий на жительстве в Ишиме Виктор Есевич стремился воссоединиться с братом, служащим в Амурской области². Эти просьбы были поддержаны местным начальством. Но МВД заняло жесткую позицию. Высланным в административном порядке разрешалось подавать просьбы о перемещении в Восточную Сибирь только сразу по прибытии в Тобольский приказ до распределения по краю. Иначе их перемещение (часто из удаленных от главного тракта селений) могло привести к излишним расходам казны и задержать прочное обустройство³.

Значительно легче было добиться разрешения на перемену места жительства в рамках одной губернии, а еще проще в рамках одного округа. В последних двух случаях инициатива ссыльных, как правило, была связана с поиском работы.

Наибольший отток в иные населенные пункты Западной Сибири дали округа. В основном, Тобольский, Омский и Томский. Конечным пунктом поездок ссыльных являлись соответствующие губернские центры. Поляки, водворенные в округе, проживали в городах по временным разрешениям – видам на жительство, выдаваемым волостными начальниками. По окончании срока «вида» переселенец должен был вновь явиться на место своего причисления, чтобы уплатить податные сборы и исходатайствовать новое разрешение. За его просрочку и проживание без вида не в месте причисления переселенцы подвергались взысканию, но это мало сдерживало поляков. Так в июне 1868 г. 31 польский переселенец Омского округа был назначен к принудительной высылке из Омска за незаконное проживание в городе⁴.

28 марта 1875 г. полякам, сосланным на водворение, было даровано право приписки к городским сословиям той губернии, где они водворены, с одновременным освобождением от надзора полиции. Многие

¹ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7918. Л. 138 об. – 139.

² Там же. Оп. 4. Д. 5741. Л. 25, 28.

³ Там же. Л. 38–39.

⁴ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7882. Л. 162–163.

ссылные воспользовались этой возможностью, чтобы закрепиться в городе. На 1 января 1876 г. из 154 польских переселенцев, проживающих в Омске, 118 человек (77 %) были из числа поляков, приписанных к сельской местности, но временно или постоянно проживавших в городе¹. Приток ссылных из округов в губернские центры продолжается и во второй половине 1870-х гг. С января по август 1877 г. полиция Омска выдала иногородним лицам из ссылных 323 паспорта на проживание в городе². Также поляки массово обращались с просьбами о причислении их к мещанству Омска. Из 23 поляков, обратившихся с подобной просьбой к генерал-губернатору Западной Сибири с 23 по 28 декабря 1877 г., 8 человек (35 %) проживали в Омске около 10 лет³. А из 18 прошений, поданных генерал-губернатору с 28 по 30 декабря 1877 г. около 10 лет в Омске проживало 7 поляков (39 %)⁴.

Обратный поток из города в округ был значительно меньшим. Чаще всего переезды ссылных из губернских и окружных городов в округ представляли собой временные отлучки, связанные с профессиональной деятельностью. Например, в Тарском и Ишимском округах поляки массово работали на водочных и стекольных заводах. Примерно равным был обмен ссылными между губернскими и окружными городами. Из окружных городов выделяется Тюмень. Динамично развивающийся город притягивал поляков возможностью найти работу или с выгодой поучаствовать в торговых операциях.

Что касается малых городов, перемещение ссылных происходило, в основном, в рамках этой группы населенных пунктов. Например, в связи с ужесточением наказания из Березова ссылных переводили в Сургут или Березовский округ. И, наоборот, в качестве поощрения власти могли перевести ссылного в населенный пункт с более мягким климатом. Тем более, подобных прошений было предостаточно. Не успел Л. Пеньковский с супругой прибыть в Нарым, как его брат штабс-капитан артиллерии стал хлопотать в МВД о переводе супругов на жительство в Томск. Министр не стал возражать. Но начальник Томской губернии остался недоволен вмешательством центра в его юрисдикцию. По его мнению, Пеньковские имели меньше прав остаться в Томске, чем другие политические ссылные, уже прожившие в Нарыме один-два года, трудом добывавшие

¹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 582. Л. 2–50; Д. 597. Л. 18–32.

² Там же. Д. 611. Л. 717.

³ А. Красовский, Д. Байер, О. Павловский, И. Горборчук, Ф. Венгилевский, И. Шейкевич, В. Тадэусяк и Д. Байер (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15136).

⁴ В. Костко, С. Коско, И. Косовский, И. Спашинский, Г. Масса, С. Лесинский, Ф. Седлецкий (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 18135).

средства к существованию и не замеченные ни в чем предосудительном¹. Из 30 политических ссыльных, проживавших в Нарыме, губернатор признал возможным распределить по другим, лучшим городам Томской губернии только четырех.

Со временем перемещение ссыльных по Западной Сибири становилось более свободным. «Открытие границ» происходило по следующим направлениям: первоначально облегчалось передвижение в рамках округа, потом в границах губернии. Перемещение в иные губернии легче было совершить в направлении с запада на восток и за собственный счет.

*Отток ссыльных повстанцев из Сибири*² начался с момента их появления в регионе и продолжался в течение всего периода ссылки. С 1863-го по 1870 год нами зафиксировано 760 случаев безвозвратного оттока ссыльных из региона, включая смертность, что составляет 18,3 % от количества всех ссыльных, вошедших в Базу данных. Спроецировав этот показатель на всю генеральную совокупность, можно предположить, что за указанное время умерло и выехало из Западной Сибири около 2 тыс. повстанцев. Будем считать эту грань минимумом, поскольку информация об отъезде ссыльных представлена в документах гораздо хуже, чем информация о прибытии, а значит реально потери ссылки были гораздо больше.

Одним из существенных направлений безвозвратного оттока польских ссыльных являлась *смертность*³. Статистику смертности ссыльных участников Январского восстания произвести довольно сложно. Учет ссыльных в местах водворения был плохо организован, статистические сводки, составленные западносибирскими чиновниками, не отличались точностью, а именные списки политических преступников, сохранившиеся в сибирских архивах, далеко не всегда содержали информацию о смерти ссыльных. Не все факты смерти фиксировались в метрических книгах. Жители отдаленных деревень постоянно погребали умерших политических преступников на сельских кладбищах без ведома приходских причтов и объявляли о том через длительное время, а иногда и вовсе не объявляли. Так Иосиф Домбровский, находившийся на водворении в Карташевской волости, умер в марте 1865 г., был похоронен без ведома православного священника и не записан в метрику⁴. Феликс Баньковский, умерший 26 марта 1871 г., был похоронен на кладбище села Тобольского, а обряд погребения и занесение в метрические книги было совершено

¹ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6873.

² См. Приложения 2, 4–7.

³ См. Приложения 5–7.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 6. Д. 379. Л. 61, 101, 124–128.

поже¹. Показательным является случай с польским переселенцем Слободчиковской волости Антоном Зелинским. Он умер в 1869 году и был похоронен на сельском кладбище деревни Смолиной без приглашения священника и отпевания. Когда жена Зелинского потребовала метрическое свидетельство о смерти мужа, церковнослужители Усть-Ишимской Николаевской церкви ответили, что вносить Зелинского в метрические книги нет повода, так как в циркуляре сказано, всех умерших католиков погребать только с пением «Святой Боже» и более ничего².

Наиболее информативными оказались обнаруженные нами в Тобольском и Омском архиве восемь дел, содержащие сводные списки умерших в Западной Сибири политических преступников и подборки донесений об отдельных фактах смерти³. Главным образом, на основе этих документов мы зафиксировали факт смерти более 500 польских ссыльных.

Наибольшее количество ссыльных умерло в первые годы ссылки. В этот период в Сибири находилось максимальное количество повстанцев. Кроме того, сказывались недавние военные действия, скитания по этапам, пребывание в заключении. Так, А. Томкевич прибыл в Омск с грыжей, образовавшейся от удара штыком, А. Яцкевич – с пулей в плече, П. Свирский – полупарализованный, И. Пелиховский – с язвами от побоев, В. Окмянский – с отмороженными пальцами на ногах⁴. Женский организм тяжелее переносил тяготы этапов. Все три женщины, добровольно прибывшие в Омск в 1864 году, не могли самостоятельно работать: В. Климович по причине тяжело протекающей беременности, А. Войцелевич и Э. Лукацевская страдали рядом женских заболеваний.

Больницы на этапных пунктах были переполнены. С 22 сентября 1864 г. по 1 января 1867 г. в Мариинском военном лазарете побывали 183 польских ссыльных, следовавших через Мариинск к месту отбытия наказания⁵. Срок пребывания ссыльных в лазарете варьируется от одного дня до более чем месяца, пятеро человек за указанный срок умерли. Самая подробная информация о здоровье ссыльных содержится в именных списках политических ссыльных, следующих в Восточную Сибирь и остановленных в Тобольской тюремной больнице. Эти списки составлялись каждые полмесяца и содержали сведения о ссыльном (имя, возраст, наказание, направление следования), дату поступления в больницу, дату выписки

¹ Там же. Л. 114–115.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 6. Д. 696. Л. 5–9, 50–62.

³ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5727, 5745; Оп. 6. Д. 9250, 9736; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 4. Д. 117; Оп. 6. Д. 379, 696, 933.

⁴ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18452. Т. 4. Л. 695–713.

⁵ Там же. Оп. 4. Д. 6974. Л. 103–107 об.

и информацию о состоянии здоровья больного. Разрешение остаться в Западной Сибири получили лишь немногие неизлечимо больные поляки, например, почти ослепший Ян Огоновский или потерявший разум 62-летний старик П. Ленчитский.

Смертность польских ссыльных была относительно «молодой», на что повлиял общий молодой облик участников январского восстания. Мы определили возраст 72 умерших ссыльных. Почти четверть их, на момент восстания были младше 20 лет, более половины – младше 30 лет, и только четверть составляли лица, прибывшие в ссылку в возрасте старше 40 лет. Неудивительно, что из всех известных нам случаев смерти «от старости» умерло только около 3 % ссыльных.

Причину смерти ссыльных мы смогли установить более чем в 250 случаях. Польский исследователь Ф. Новинский прав, утверждая, что нельзя все причины смерти польских ссыльных связывать с сибирским климатом¹. Однако фактом является то, что наиболее распространенной причиной смерти стали простудные, легочные заболевания, среди которых лидируют горячка (18,5 %) и чахотка (11,6 %). Эти болезни ссыльные приобрели в основном в дороге и в первые годы ссылки, когда проходила так называемая принудительная акклиматизация. Не случайно 99 % смертей от простудных заболеваний приходится на начальный период ссылки – до конца 1867 года. Второй по численности является смертность от тифа – 23,3 %.

Случаи насильственной смерти и смерти от несчастного случая составили 18,5 %. Среди последних лидируют утонувшие. И снова самым опасным для жизни периодом ссылки является дорога в Сибирь. Примером может служить судьба Я. Козловского, следовавшего на поселение в Енисейскую губернию². Во время остановки парохода на р. Оби около деревни Жуковой для погрузки дров, ссыльный был уволен начальником партии со старостой политических арестантов под надзором унтер-офицера в деревню для покупки провизии. Возвратившись, Козловский захотел обмыться, вошел в воду и стал тонуть. Когда его вытащили, он уже был мертв. Тело ссыльного было отдано для погребения старшине д. Жуковой. Об опасности путешествия в Сибирь свидетельствует следующий факт. Из 30 политических преступников, отправленных 30 августа 1864 г. на пароходе «Работник» из Тобольска в Томск, утонули во время пути шестеро ссыльных, принадлежавших к привилегированным сословиям: Калининский, Древновский, Гайдамович, Бенедек, Данилевич и Василевский.

¹ Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej. S. 368.

² ИсаОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5745. Л. 33, 33 об.

Кроме того, во время пути умерли Петр Воврженец пяти лет, Карл Волонец и Францышка Жетнировская¹

Общий процент смертности польских ссыльных определить достаточно сложно. Большая часть обнаруженных документов относится к периоду с 1863-го по 1870 год. Зафиксированные нами в этот период 393 случая смерти польских ссыльных приблизительно составляют 3,6 % от всего количества сосланных в регион повстанцев². Имеет смысл считать полученный результат минимальным. Наиболее точно процент умерших мы смогли высчитать применительно к Омску – 5 %. Эти данные проблематично распространять на всю Западную Сибирь, так как смертность в различных типах населенных пунктах не была одинаковой. Для сравнения скажем, что в Омском округе по материалам статистики с 1863-го по 1870 год умерло 6,1 % ссыльных³. Видимо смертность поляков в городах Западной Сибири была меньше смертности в округах. Во всяком случае, применительно ко всему сибирскому населению этот факт уже доказан⁴

Мы не смогли сравнить структуру смертности польских ссыльных со структурой смертности жителей Сибири. Но в целом, высказанное применительно к первой половине XIX века предположение Ф. Новиньского, о том, что смертность среди поляков была не выше, чем среди россиян, выглядит вполне убедительно и может быть распространено на вторую половину столетия⁵.

Отток ссыльных в губернии Европейской России, Царство Польское, Западный край и за границу⁶ связан с проблемой «поврут – оседлене», ключевой для истории ссылки в Сибирь⁷. Решение ссыльными вопроса «остаться в Сибири или уехать» может рассматриваться как критерий адаптации поляков к условиям Сибири. Эта проблема тем более интересна,

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 54. Д. 553. Л. 60.

² Общее число повстанцев, сосланных в Западную Сибирь – 10 779 человек (Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – нач. 80-х гг.). С. 79–80).

³ Процент подсчитан на основе ведомостей о водворении польских переселенцев в Омском округе (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 9967. Л. 14–16 об., 54–55, 83–84).

⁴ Ивонин А. Р. Смертность в Западной Сибири в последней четверти XVIII – начале 60-х гг. XIX в. // Сибирский плавильный котел. Новосибирск, 2004. С. 93.

⁵ Nowiński F. Polacy na Syberii Wschodniej. S. 368.

⁶ Приложения 3,4.

⁷ Русская транскрипция польского выражения «powrót – osiedlenie» (возвращение – оседлость) используется российскими историками для обозначения проблемы, стоявшей перед каждым польским ссыльным после амнистии: вернуться на Родину или остаться в Сибири.

что статистика тех, кто остался в Сибири и тех, кто вернулся на родину чрезвычайно «запутана и трудно уловима»¹. Характеризуя количество оставшихся в Сибири поляков, исследователи, как правило, ограничиваются общими фразами. «Значительная часть бывших ссыльных повстанцев прочно осела в Сибири, отказавшись от возвращения на родину», – констатировал Б. С Шостакович на материалах Восточной Сибири². «В целом, число поляков, осевших в Сибири, было достаточно велико», – делает вывод С. Г. Пяткова по западносибирскому региону³. Вопрос затрудняет то обстоятельство, что возвращение поляков на родину, начавшись со второй половины 1860-х гг., растянулось на несколько десятилетий.

Сибирская администрация довольно рано определилась с тем, какие категории ссыльных должны подвергнуться прощению. По мнению А. И. Деспот-Зеновича, необходимо было вернуть на родину всех детей 15-ти – 16-летнего возраста, пришедших в Сибирь без родителей; иностранных подданных; всех женщин, добровольно пришедших за мужьями, в случае смерти последних; а также некоторых женщин из числа не лишенных прав состояния, сосланных без мужей и отличающихся безукоризненным поведением. Представляется очевидным, что тобольский губернатор выделил наиболее беззащитные в социальном плане категории ссыльных, не способные к укоренению в Сибири. Их удаление из региона должно было сократить расходы казны на выплату пособий⁴.

Царские манифесты, смягчающие участь ссыльных повстанцев, более ориентировались на принцип сословности и степень вины политического преступника. Первые амнистии были направлены на представителей высшего сословия и лиц, сосланных административным порядком без лишения прав.

В 1866 году указами Александра II от 16 апреля и 18 октября политические преступники, сосланные на жительство без лишения прав состояния, получили возможность переселяться под надзор полиции в 11 губерний Европейской России. В Тобольской губернии этим правом формально могли воспользоваться 276 (а с учетом членов семьи – 423) человек⁵. Это составляло около 6 % от всех направленных в Тобольскую

¹ *Nowiński F.* Polacy na Syberii Wschodniej. S. 350.

² *Шостакович Б. С.* Поляки в Сибири в 1870–1890-е годы (из истории русско-польских отношений в XIX веке). С. 27.

³ *Пяткова С. Г.* Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период. С. 154.

⁴ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5727.

⁵ Там же. Оп. 5. Д. 7601.

губернию повстанцев и примерно четверть от числа сосланных в города Тобольской губернии, где и проживали помилованные.

В июле 1867 г. начальник Тобольской губернии предоставил генерал-губернатору Западной Сибири списки губерний, избранных ссылными для переезда. Оказалось, что наибольшей популярностью у них пользовались Лифляндская, Воронежская, Нижегородская и Саратовская губернии. В то же время, большинство ссылных, жительствующее в одном городе, избирали и для переселения какую-либо одну губернию. Так в Туринске из семи ссылных, предназначенных по манифесту к переселению в губернии Европейской России, пять человек избрали местом жительства Лифляндскую губернию. Туда же выразили желание переехать более половины ссылных Кургана и Ялуторовска. В Таре 81 % ссылных, предназначенных к переселению в Европейскую Россию, остановили свой выбор на Саратовской губернии. В Ишиме приоритетными оказались два направления: Воронежская (37 %) и Нижегородская (34 %) губернии¹. Наименее согласованными оказались ссылные губернских городов. В Омске Лифляндскую и Нижегородскую губернии избрали для переезда соответственно 27,4 и 26,2 % ссылных. В Тобольске спектр предпочитаемых губерний и, соответственно, разброс мнений оказался еще шире: Лифляндская губерния – 23,5 %, Саратовская – 17,6 %, Нижегородская – 16,2 % и Новгородская – 10,3 %. В некоторой степени по этим данным можно судить о сплоченности польской диаспоры в различных населенных пунктах.

С другой стороны, видимо, в каждом городе фигурировал свой образ преимущественного места жительства, и мы можем предположить существование лишь некоторых факторов, повлиявших на его складывание. Так «бедные», в большинстве своем семейные и многодетные ссылные Тары выбирают относительно близкую к Сибири Саратовскую губернию с мягким климатом. О Лифляндской губернии мечтают в городах, где концентрация уроженцев Западных губерний была выше.

Правительство формулирует свой взгляд на предпочтительные места жительства поляков. Прибалтийские и Саратовская губернии по особому высочайшему повелению были исключены из числа местностей, определенных для переселения польских ссылных. Власти смущала близость Лифляндской и Эстляндской губерний к Западному краю, что позволило бы обосновавшимся в них полякам сохранять связь с родиной². В Саратовской губернии уже проживало много католиков, существовала

¹ Там же.

² Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). С. 52.

католическая епархия. В Нижегородскую губернию к этому времени было перемещено много ссыльных из несибирских губерний, и высылка туда поляков из Сибири, по мнению властей, была весьма нежелательна. Не были предназначены для перемещения поляков и не столь популярные среди ссыльных Самарская и Минская губернии. В результате, ссыльным, избравшим для переселения вышеуказанные местности, пришлось менять предпочтения, а их отъезд из Сибири отодвигался на неопределенное время.

Исправленные списки начальник Тобольской губернии отправил генерал-губернатору 15 октября 1869 г. Теперь предпочтения ссыльных группировались вокруг Тамбовской, Казанской и Воронежской губерний. Существенно увеличился процент поляков, не желающих покинуть Сибирь. В Кургане и Туринске, где в 1867 году ссыльные массово высказывались за переезд в Лифляндскую губернию, в 1869 году 57 % человек отказались от переезда (два года назад их насчитывалось 40 %). Рост количества желающих остаться в Сибири частично произошел за счет тех, кто отказался выезжать за собственный счет. Как правило, это были ссыльные, имевшие семьи.

Ранее всего начинается выезд в Воронежскую губернию. Часть ссыльных избрала ее местом жительства еще в 1867 году, и их отъезд не сдерживался необходимостью исправления списков. Еще в 1868 году в Воронежскую губернию выехали Б. Дановский, М. Ромашевский, И. Клопотовский, А. Маевский, П. Малевский, А. Малиновский, Л. Милковский, Ю. Мочульский, Ю. Рыбалтовский, П. Секерко, А. Чижевский, Н. Шмурло, П. Стахурский, В. Евневич, В. Косско, В. Подрез. Более всего по манифесту 17 мая 1867 г. выехало ссыльных в Вятскую (25,5 %) и Костромскую (19,3 %) губернии. Затем в порядке убывания шли Воронежская – 13,7 %, Казанская – 11,2 %, Тамбовская – 9,3 %, Новгородская – 6,2 % и Пензенская – 4,3 %. Зафиксированы отдельные случаи переезда в Астраханскую, Екатеринославскую, Нижегородскую, Олонецкую, Пермскую, Псковскую, Тверскую и Уфимскую губернии. В целом, можно сделать вывод, что вторичный выбор ссыльных не отразился на реальных направлениях переезда. И только перевод в Воронежскую, Казанскую и Тамбовскую губернии частично отразил предпочтения поляков

Сложность в достижении согласия между желанием ссыльных и законодательством демонстрируют следующие примеры. Находящийся на жительстве в Омске Р. Мантейфель фон Зеге несколько раз обращался с просьбой перевести его на жительство в Европейскую Россию: сначала в Казанскую губернию, после в Нижегородскую, а затем в Пермскую.

Но власти отправили его в Кострому¹. Католический священник Павел Лукашевич, освобожденный от надзора в 1874 году, обращался с просьбами о переезде в Курляндскую губернию, после Херсонскую, Таврическую и Екатеринославскую, но МВД разрешило перебраться только в Нижегородскую².

Невозможность выбора места жительства снижало мотивацию ссыльных к переезду. Перемещение из одного уездного городка в другой не было привлекательным³. Польские переселенцы Усть-Тартасской волости Каинского округа, ошибочно полагая, что им тоже разрешено переселиться на запад за Урал, перспективы переезда оценивали скептически. Могло получиться так, что из-за малоземелья, имевшего место в Европейской России, ссыльные еще более бы стеснили местное население, а сами пополнили бы ряды нищих⁴. Северин Видавский, сосланный в Красноярск, писал:

Ехать не домой, а в Россию не стоит. И те, которые уехали по первому распоряжению, раскаиваются, потому что не дозволено ничем заниматься, а надзор строгий, и жить нечем. Здесь, напротив, свобода большая, и многие до того завелись хозяйством, что и не думают ехать. Одно нас страшит, то, что, пожалуй, совсем оставят тут, если не попросит кто о перемещении, ибо еще в прошлом году мы записаны в казенные крестьяне, хотя никто нас о том не спрашивал. Впрочем, это не важно, потому что нас уважают так же, как и прежде; кроме того, у каждого есть протекция со стороны высшей власти: ни в каких просьбах нам не отказывают, а в торговле и ремеслах облегчают способы, несмотря на изданные сначала строгие правила; дают по 50 руб. сер[ебром] ссуды без процентов на 5 лет. Нас страшит то, что могут впоследствии показать, что добровольно здесь остался, кто теперь не изъявит желанья о перемещении в Россию⁵.

Всего до конца 1869 года из Западной Сибири в Европейскую Россию выехало только 23,2 % ссыльных от числа тех, кто попадал под действие соответствующих амнистийных указов. В большей степени воспользовались амнистией ссыльные Ишима и Тобольска: 42,1 % и 38,2 % соответственно от числа тех, кто получил разрешение покинуть край. В Омске 35 человек (40 % от количества тех, кому было разрешено переехать в Европейскую Россию) остаются в городе до начала 1870 года. Менее

¹ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5736. Л. 17–18, 38–39, 42; Ф. 14. Оп. 1. Д. 487. Л. 2А об., 3А, 15, 52; Д. 496. Л. 57, 1113–1114.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 3. Д. 425.

³ М. Жаба – родителям. Курган. 24 сентября 1866 г. (ИсаОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Л. 547 об.).

⁴ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 17. Л. 113–114.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2а. Д. 845. Л. 1–1 об.

всего воспользовались правом переезда ссыльные Тары. Возможно, здесь сыграл свою роль финансовый фактор. Еще в 1867 года начальник Тобольской губернии отмечал, что лица, жительствовавшие в Таре и Туринске, изъявившие желание перейти на жительство во внутренние губернии, не имеют на это собственных средств. Возвращаться же этапным порядком, само собой, никто не хотел. Таким образом, «недостаток средств и неуверенность, лучше ли там будет или хуже» удерживали большую часть поляков от переезда¹.

Манифест Александра II от 17 мая 1867 г. разрешил возвратиться в Царство Польское сосланным в административном порядке повстанцам привилегированного сословия (исключая лиц духовного звания) при условии положительного поведения. В результате часть ссыльных оказалась перед выбором, ехать в Царство Польское или в губернии Европейской России. Поскольку в Западный край возвращаться не разрешалось, литвины гораздо реже, чем уроженцы Царства Польского выезжали из Сибири. Вот как объяснял свой выбор ссыльный из Красноуфимска:

...Так выходит по моим домашним делам и расчетам, в Царстве Польском, первое, дороговизна ужасная, второе, не позволяют заезжать домой, и, главное, при дороговизне невозможно отыскать никакого занятия; ...если бы сильно было кому продать, хоть невыгодно, но приблизительно по стоимости имение и за наличные деньги, тогда легко было бы придумать что-либо, а отдать за половину и в кредит часть невыгодно...²

Правила возвращения ссыльных на родину предусматривали, что лица, принадлежащие к привилегированным сословиям, находившиеся на жительстве под надзором полиции и имеющие собственные средства, могли переселяться в Царство Польское за свой счет³. В дороге они не имели права останавливаться в пределах империи и по прибытии в Царство Польское должны были немедленно явиться в управление генерал-полицмейстера. Если у них не было собственных средств на дорогу, то их, согласно существовавшей пересыльной системе, следовало отправлять по тем губерниям, где проходили железные дороги, и по главному ссыльно-этапному тракту. Там, где сохранялось прежнее пеше-этапное следование арестантов, поляки должны были передвигаться в общих арестантских подводах, но не в качестве арестанта.

Лиц, принадлежащих к низшим сословиям, даже если они имели собственные средства на путевые издержки, должны были отправлять

¹ М. Жаба – Михаилу. Курган (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7921. Т. 2. Л. 565).

² Брат [Ф...] – Григорию. Красноуфимск. 25 сентября 1867 г. (ГАРФ. Ф. 109. Приложение к делам III Отделения. Оп. 214. Л. 29).

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 945. Л. 1–3 об.

в Варшаву по железным дорогам, где они есть, и по главному ссыльному тракту общим, принятым для пересылки арестантов, способом. Возвращаемые должны были следовать под надзором стражи, хотя и не в качестве арестантов.

Реализация выработанных правил не всегда проходила гладко. Лицам привилегированного звания часто с трудом удавалось добиться разрешения на выезд за счет казенных денег, возникали проблемы с организацией транспортных средств, выдачей кормовых и т. д. «Оттуда (из Восточной Сибири – С.М.) часто через наши города возвращаются, то в губернии российские, то в Королевство, и едут на казенный счет, а мы и заикнуться не смеем об этом», – писал проживавший в Омске А. Свирский¹. Ссылные, выезжающие из Томска, жаловались, что кормовые деньги не выдаются им на руки². В декабре 1868 г. партия политических преступников, следующих на родину в количестве 20 человек привилегированного звания и 26 человек простого звания, не смогла отправиться из Томска, поскольку томский окружной исправник не дал 13 одиночных подвод³.

Гораздо проще было выехать из Сибири за собственный счет. Ссылные по-разному решали проблему финансового обеспечения дороги. Дворянин Варшавской губернии Г. Филипович получил разрешение вернуться на родину в 1867 году. Имеющихся денег хватило, чтобы доехать из Томской губернии до Омска. В Омске он подал докладную записку генерал-губернатору с просьбой отправить его в Варшаву на казенный счет⁴. Уроженец Гродненской губернии Ф. Бортновский приобрел пару лошадей и планировал продать их по прибытии в Пермь, чтобы хватило денег на дорогу до Варшавы: сначала пароходом, а после поездом⁵. Недостаток средств удерживал ссылных в Сибири. Они тянули с отъездом, ссылаясь то на слабость здоровья, то на необходимость закончить финансовые дела. Вполне типичен случай с И. Турчановичем, сосланным на жительство в Тобольскую губернию. Получив высочайшее прощение еще в июне 1869 г., он выехал в Царство Польское только 6 февраля 1872 г. Два с половиной года между этими двумя событиями он занимался коммерческими делами, которые даже не пытался свернуть. Напротив, его бизнес расширился⁶.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Д. 357. Л. 1.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 945. Л. 54.

³ Там же. Л. 75.

⁴ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7668.

⁵ Там же. Л. 63.

⁶ Там же. Оп. 6. Д. 9067; Ф. 14. Оп. 1. Д. 487. Л. 3 об, 4, 15 об; Д. 496. Л. 113–114; Д. 520. Л. 40.

Вышеперечисленные факты свидетельствуют как о сложностях, с которыми сталкивались ссыльные при возвращении из Сибири, так и о том, что, несмотря на усилия властей, реализация промежуточных амнистий затягивалась на несколько лет.

Если переселение повстанцев в Царство Польское или в губернии Европейской России переносило польскую проблему из одного региона в другой, то возвращение на родину иностранцев, участвовавших в восстании, сопровождалось уменьшением опасного контингента в империи. Данная категория подверглась амнистии одной из первых. Местные власти выпускают ряд постановлений, облегчающих переезд иностранцев на родину. Распоряжением генерал-губернатора от 22 января 1868 г. возвращающимся в свое отечество политическим ссыльным обязательно надлежало брать с собой за границу жен и членов семьи кроме детей, родившихся в России и поставленных на государственную службу. Распоряжение генерал-губернатора от 6 октября 1868 г. гласило, что уезжающим на родину политическим ссыльным не может служить препятствием взятое на домообзаводство казенное пособие, которое взыскивается только с тех, которые могут таковое возратить. Взятый ими заимообразно из общественных магазинов хлеб в случае невозвращения надлежало пополнить из продовольственного капитала за счет сумм Царства Польского и в сборе с Западных губерний. Между тем, для самих уроженцев указанных регионов пособие на домообзаводство и податная недоимка становились непреодолимой преградой при возвращении в отечество.

Определившись в приоритетах, власти с завидной настойчивостью берутся за высылку помилованных. Но, оказалось, некоторые иностранцы желали остаться в России и принять подданство. Советуясь с генерал-губернатором, начальник Тобольской губернии отметил, что принятие ссыльных иностранцев в подданство России кроме вреда, не может принести никаких выгод¹. Исключение губернатор соглашался сделать только для тех иностранцев, которые при домообзаводстве женились на русских православного вероисповедания и имеют детей той же веры. Оставить таковых в Сибири и причислить к сельским обществам без согласия последних соглашался также генерал-губернатор А. П. Хрущов². Министр внутренних дел не стал возражать. Но в каждом отдельном случае генерал-губернатор должен был спрашивать разрешение министра.

Позволение остаться в России получил австрийский подданный Валерий Бара, состоявший на водворении в Юдинской волости Омского округа.

¹ Там же. Д. 8628.

² ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1867. Д. 280. Л. 203 об.

За время пребывания в Сибири он женился на местной уроженке, получил из казны деньги на домообзаводство и завел самостоятельное хозяйство. Австрийский подданный Юзеф Римский, хотя и обзавелся хозяйством и занимался крестьянскими работами, был холост. Ему разрешено было остаться в Сибири, но при условии, что он изберет себе в жены русскую подданную. В октябре или ноябре 1874 г. Римский женился на крестьянской незаконнорожденной дочери Агафье Каличкиной, а в марте 1877 г. принял российское подданство¹.

Позволили вступить в российское подданство и австрийскому подданному Адольфу Пациольду – хотя он женился на польской уроженке, но имел двух малолетних детей, и возвращение в Пруссию для его семьи было бы чрезвычайно обременительным². По-иному решился вопрос другого австрийского подданного Семена Завадского. После отбытия наказания в Нижегородской арестантской роте в 1866 году он был водворен в д. Рубиново Карасукской волости Омского округа. Пособия на домообзаводство не получал, не был женат, занимался сапожным ремеслом. В 1868 году С. Завадский обратился к генерал-губернатору с прошением не возвращать его на родину, принять в подданство России и приписать в омские мещане. Власти ответили отказом и в 1869 году отправили Завадского в распоряжение варшавского обер-полицмейстера для высылки за границу³. Таким образом, фактор женитьбы оказывался ведущим в определении властями перспектив укоренения иностранцев в Сибири.

Старания тобольского губернатора не смогли оставить в Сибири австрийского подданного Франца Белицкого. Министерство внутренних дел в январе 1865 г. обратилось к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой возвратить Белицкого в Варшаву для передачи его австрийскому правительству. Девятнадцатилетний юноша, получивший музыкальное образование в Пражской консерватории, степень магистра по специальности «песнь», владевший французским и немецким языками, приглянулся А. И. Деспот-Зеновичу. Он обратился к генерал-губернатору с просьбой оставить молодого человека в Сибири или хотя бы отложить его отъезд. «Заветная мечта Белицкого состоит в том, – писал тобольский губернатор, – чтобы по окончании своего музыкального образования иметь счастье сделаться подданным нашего Всемилостивейшего Государя»⁴. Задержаться в Сибири Белицкий смог только

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1751. Л. 1–4 об., 25, 45–47.

² Там же. Л. 7–9 об., 14.

³ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8626.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 5754. Л. 21.

до 2 декабря 1865 г. За это время талантливый ссыльный дал несколько концертов в Тобольске и Омске

А. И. Деспот-Зенович берет под свое покровительство еще одного ссыльного иностранца – австрийского подданного Феликса Ридля. Он тоже был очень молод (на 1863 г. ему исполнилось 12 или 13 лет), свободно изъяснялся на немецком, французском и польском языках, имел приличные манеры. Начальник губернии оставил его на постоянное жительство в Тобольске, поселил у себя в доме, дал учителя русского языка и планировал впоследствии позволить ссыльному изучать другие предметы. В 1864 году А. И. Деспот-Зенович ходатайствовал о возвращении Ридля на Родину. При этом если император сочтет возвращение Ридля невозможным, тобольский губернатор просил отдать ссыльного на своё попечение, чтобы он, «как человек одинокий, мог заняться со всею заботливостью его дальнейшим воспитанием» и сделать из него «полезного сына отечества и верного подданного Государя»¹. Этим планам не суждено было сбыться, так как Александр II разрешил Ридлю возвратиться на родину

Избавление Сибири от нежелательных лиц шло медленно. Главный руководитель III Отделения уведомил министра внутренних дел, что некоторые из политических преступников, преимущественно иностранцев, сосланных в Сибирь и получивших разрешение возвратиться на родину, медлят с отъездом из края. Одни – по неимению средств ехать за свой счет и нежеланию отправляться этапным порядком; другие полагали, что, получив помилование, смогут пользоваться правами свободных граждан и намеревались остаться в Сибири на неопределенное время². Министр внутренних дел распорядился всех политических ссыльных, получивших разрешение возвратиться на родину, обязать подписками выехать по назначению в течение месяца со времени объявления им о том. Если в продолжение этого срока они не уедут, то помилованных повстанцев надлежало выслать этапным порядком³.

Мы зафиксировали отъезд за границу 21 иностранца, что составляет примерно 7 % от их общего количества, имеющегося в нашей Базе данных. То есть ни малые адаптивные возможности иностранцев, ни усилия правительства не смогли обеспечить их массовый выезд на родину до конца 1870 года. В целом, до этого момента на родину вернулся каждый тринадцатый иностранец. Для сравнения скажем, что в Царство Польское уезжает каждый пятый уроженец Царства Польского и каждый 22-й уроженец Западных губерний.

¹ Там же. Д. 5742. Л. 4 об.

² Там же. Оп. 13. Д. 18515. Л. 1.

³ Там же. Л. 1 об. – 2.

Желание ссыльных выехать на родину в первую очередь поддерживала сибирская администрация, поскольку «прощенные» доставляли местным чиновникам ощутимые проблемы. Так, молодежь, осужденная в возрасте до 20 лет и подвергнутая амнистии в 1868 году, оставаясь в Сибири, начала требовать казенного пособия, полагая, что прощение возвратило им права дворянства¹. Не случайно начальники губерний поддерживали большинство прошений о возвращении в отечество. Но позиция центральных властей с течением времени изменяется. Усилия правительства по вытеснению амнистированных поляков из Сибири уменьшаются параллельно с увеличением «возвращенцев» в Привислинском крае и губерниях Европейской России. Иногда отток в Царство Польское вообще прекращался². Одновременно появляются новые амнистии, охватывающие все больший объем ссыльных. Наконец, в середине 1870-х гг. встал вопрос об амнистии поляков, сосланных на водворение.

Ссылка на водворение была бессрочной. Возвращение на родину ссыльных этой категории могло произойти только в виде особой милости по высочайшему повелению или по распоряжению министра внутренних дел. Но надежда на отъезд у польских переселенцев присутствовала. Когда в феврале 1869 г. томское губернское правление объявило, что все политические преступники, сосланные без лишения прав, могут переехать в Российские губернии на собственный счет, появляется огромное количество просьб о выезде за пределы Сибири со стороны сосланных на водворение поляков. Многие прошения являлись коллективными, объединяя жителей иногда нескольких деревень в едином желании покинуть место ссылки. В апреле 1869 г. к томскому губернатору обратились 19 политических преступников, сосланных без лишения прав состояния в Дмитриевскую волость Мариинского округа, с просьбой переселиться в Тамбовскую губернию³. Десять польских переселенцев Верхне-Омской волости Каинского округа просили выдать разрешение на переселение в Симбирскую губернию⁴. Девятнадцать польских переселенцев Усть-Тартасской волости Каинского округа просили отправить их в Европейскую Россию на казенный счет⁵. Все подобные просьбы остались без последствий, поскольку просители были сосланы в Сибирь навсегда.

¹ Там же. Оп. 6. Д. 8374.

² 31 июля 1870 г. Александр II приостановил возвращение ссыльных на родину, видимо, вследствие франко-германского конфликта. Но уже 4 декабря того же года запрет был снят (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1867. Л. 307, 326, 333).

³ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 17. Л. 44–46.

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ Там же. Л. 55–58.

Спустя пару лет правительство все же поставило вопрос о возвращении на родину польских водворенцев, но сначала лишь сосланных административным порядком. В отношении этой категории ссыльных инициатива амнистии исходила из центральных органов власти, а местная администрация восприняла эту идею скептически. Томский губернатор А. П. Супруненко писал:

Слово родина звучит так заманчиво, что все водворенцы поднимутся как один человек, бросят свои православные семейства, продадут за бесценок накопленное десятилетними трудами имущество, а, придя домой, не найдут ничего и сделаются ожесточенными пролетариями¹.

Разрешение водворенцам вернуться на родину принесет им и государству «положительный вред», утверждал чиновник, но, так как водворенные на казенных землях поляки ведут себя «вообще очень хорошо» и не воспользовались ни одной высочайшей милостью, то было бы справедливо снять с них политический надзор, дозволить отлучки по паспортам по всей Сибири, свободное причисление в другие сословия, одним словом, дать им полное право государственных крестьян, чего, собственно, они как раз очень желают. «Я полагаю, — заключал он, — что если не трогать с места водворенцев, то через 50 лет все они будут православными или, по крайней мере, совершенно русскими»².

По данным губернатора, в Томской губернии на 1 ноября 1873 г. из 3 335 польских переселенцев, высланных административным порядком, одобрительного поведения признавались только 3 294 человека, из них 2 527 поляков (76 %) занимались в Сибири хлебопашеством и сельскими работами. В свете этой статистики разрешение вернуться на родину польским переселенцам с экономической точки зрения выглядело неразумным. Тобольский губернатор занял аналогичную позицию, несмотря на то, что список претендентов на освобождение был значительно меньшим и включал только 79 человек³.

В 1874 году МВД разрешило политическим ссыльным из непривилегированных сословий, сосланным на водворение в административном порядке, возвращаться на родину при условии одобрительного поведения в месте ссылки и только по изъявлению согласия на его переезд начальством того края, откуда высланный происходит. Вернуться могли лишь те, кто имел средства отправиться на родину за собственный счет. Вдовам и детям водворенцев, а также другим их родственникам женского пола,

¹ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11367. Л. 6 об.

² Там же. Л. 6 об. — 7 об.

³ Там же. Л. 12 об. — 14.

если они были высланы не за личную вину, а за виновность главы семейства, позволили возвратиться без всяких условий.

Желающих вернуться оказалось предостаточно. Просьбы о возвращении, как и в предшествующее десятилетие, поляки мотивировали наличием на родине семейства или невозможностью отыскать пропитание в Сибири. Но власти, рассматривая прошения, более интересовались не бедственным положением ссыльного в Сибири, его душевными страданиями, а тем, насколько удачно он, проделав обратный путь, смог бы устроиться на родине. Так, Сильвестру Шафрану, водворенному в Тобольской губернии, разрешили вернуться в Ковенскую губернию не только потому, что он хорошо себя вел в Сибири и был готов возратить недоимки. Главным оказалось то, что в Щавельском уезде проживали две его родные сестры, мужа которых обязались обеспечить Шафрана земельным наделом из принадлежавших им довольно значительных участков¹. Доменику Йочу разрешили вернуться на родину, только когда выяснилось, что его брат владеет нераздельно с ним фольварком, и часть, принадлежащая Доменику, вполне достаточна для обеспечения средств к жизни². Разрешили вернуться Михаилу Рыбакевичу, так как его отец, проживавший в Белостокском уезде, обязался дать сыну земельный надел³. И, наоборот, не разрешили вернуться на родину Александру Дейчману⁴, братьям Самулевичевым и многим другим, не имевшим на родине ни собственности, ни состоятельных родственников⁵.

В 1875 году было разрешено возвратиться на родину полякам, сосланным на водворение по суду после службы в арестантских ротах, но с тем, чтобы милость эта была объявлена по прошествии года и в таком только случае, если последующее их поведение будет одобрительно⁶. В 1876 году власти освободили возвращающихся на родину водворенцев от уплаты денег, выданных им на призрение в местах водворения⁷. Но вот пособия и ссуды, полученные в Сибири, ссыльные обязаны были вернуть, а также выплатить недоимку. Это сдерживало отъезд многих. Якоб Кацпржак обещал вернуть все долги по прибытии в Варшаву, где имеет безбедных родственников, и тобольский губернатор был согласен на такой шаг, но разрешение на выезд из Сибири так и не последовало⁸. Усть-Тартасское

¹ Там же. Оп. 8. Д. 12974. Л. 75–76.

² Там же. Д. 12997. Л. 31–31 об.

³ Там же. Л. 30–30 об.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Оп. 6. Д. 13037.

⁶ Там же. Оп. 8. Д. 13189.

⁷ Там же. Оп. 6. Д. 13059. Л. 9.

⁸ Там же. Оп. 8. Д. 13189. Л. 21.

волостное управление отобрало вид на повсеместное проживание у Викентия Петровского, поскольку он получил пособие в 55 рублей на домообзаводство и 8 четвертей озимого хлеба из запасного магазина. Между тем, он, как не лишенный прав дворянин, мог воспользоваться 5-м пунктом повеления 9 января 1874 г.¹

И вновь отъезд из Сибири проходил медленно. Когда в 1874 году на посту шефа жандармов П. А. Шувалова сменил реакционер А. Л. Потапов, процесс возвращения ссыльных практически прекратился на два года². Затем на несколько лет поводом приостановки возвращения поляков из Сибири стала русско-турецкая война 1876–1878 гг. В этот период центральные власти разрешают лишь временные отлучки на родину. Немного изменяется и позиция самой власти. Во второй половине 1870-х гг. самодержавие пошло на значительное расширение прав ссыльных поляков в Сибири. Им было разрешено свободно передвигаться в масштабах губернии, приписываться к городским сословиям с одновременным освобождением от надзора полиции. Эти мероприятия были призваны усилить мотивацию бывших ссыльных остаться в Сибири.

Таким образом, решение проблемы «поврут – оседлене» в исследуемый период определялось не столько адаптацией поляков в Сибири, сколько политикой правительства. Ограничение выбора предполагаемого места жительства и слабое финансовое обеспечение обратной дороги, уменьшавшие желание ссыльных расстаться с Сибирью, власти пытаются нивелировать за счет административных усилий по выселению поляков из региона. При этом политические мотивы явно преобладали над колонизационными. Социальный облик оттока большей частью определялся на законодательном уровне. Поэтому чаще в Сибири остаются женатые на сибирячках или прибывшие за Урал с семьей, преимущественно уроженцы Западных губерний, дворяне, сосланные с лишением прав, и представители низших сословий, материально не обеспеченные либо, напротив, активно включившиеся в экономическую деятельность в крае.

Особенности притока и оттока обусловили появление нескольких вариантов польских колоний. Наибольшие польские диаспоры сосредоточились в губернских городах. «Тобольск был в то время как бы польским городом», так много там проживало и находилось проездом поляков³. То же можно было сказать о Томске, где находилась экспедиция

¹ Там же. Оп. 6. Д. 13041.

² *Wiech S.* Sybiracy w administracji Królestwa Polskiego w pierwszym dziesięcioleciu po upadku powstania styczniowego. S. 14.

³ *Janik M.* Dzieje polaków na Syberji. S. 360.

о ссыльных, и о переполненном поляками Омске, где концентрировались повстанцы, служащие в войсках Западной Сибири, где проходил путь миграций Западная Сибирь – Степной край¹. В конце концов, Омский округ был более остальных округов Тобольской губернии заселен поляками и являлся мощным источником пополнения польской колонии в городе. В губернских городах происходит постоянное обновление диаспоры за счет безвозвратного оттока поляков из Сибири и притока мигрантов из иных населенных пунктов региона. Из 329 ссыльных, прибывших в Омск до 1866 года, к началу 1870 года осталось только 127 человек². То есть только 39 % ссыльных прожили в городе более четырех лет

Наибольшую устойчивость имели колонии ссыльных в окружных городах. Относительно мягкий климат и благоприятные условия хозяйствования привели к тому, что эти местности достаточно быстро заполняются ссыльнопоселенцами, и правительство начинает ограничивать перемещение поляков в указанные населенные пункты. Несмотря на это, количество ссыльных относительно местных жителей в окружных городах было больше, чем в иных населенных пунктах. В 1867 году польские ссыльные в Кузнецке составляли примерно 5,1 % от числа местных жителей, в Ишиме – 3,6 %, Кургане и Мариинске – 3,5 %, Бийске – 3,3 %, Таре, Нарыме и Каинске – 3,2 %, Колывани – 3,1 %, Ялуторовске – 2,3 %, в то время как в Омске – 1,8 %, Томске и Тобольске – 1,2 %³.

Округа имели наибольшие возможности для водворения преступников. Ссыльных продолжают направлять туда и в конце 1860-х гг. в, и даже в 1870-е гг. В противоположность правительственным усилиям из округов начинается отток в города, который часто носит неформальный характер.

Формирование польских диаспор в малых городах шло различными путями. Нарым заполняется поляками уже в 1864–1866 гг. Колонии ссыльных в Березове и Сургуте формируются дольше, как правило, за счет внутренних миграций и являются более постоянными вследствие ограниченного административной властью оттока.

Добровольные миграции ссыльных, как правило, оказывались противоположны правительственному взгляду на удобство водворения. Надзор за перемещениями поляков оказался неэффективен. В результате правительство не только не смогло реализовать свои предпочтения в географии

¹ Свидетельство Г.Н. Потанина (*Wójcik Z. Jan Czernski. Polski badacz Syberii. Lublin, 1986. S. 40*).

² Мулина С.А. Участники восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке: анализ численности и персонального состава. С. 80–112.

³ Проценты подсчитаны на основе ведомостей о числе лиц, находящихся в Тобольской губернии под надзором полиции (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769).

водворения польских переселенцев, о чем неоднократно говорили исследователи, но и тот облик ссылки, как он сложился в 1866 году, когда была выслана основная масса повстанцев, к началу 1870-х гг. существенно изменяется под воздействием миграций ссыльных поляков.

1.2. Политико-юридическая, социальная и демографическая характеристика польской ссылки в Западной Сибири

Большая часть поляков, отбывавших наказание в Западной Сибири – 62,3 %, была выслана для водворения на казенных землях. Ссылка на водворение рассматривалась законодательством как наиболее легкое наказание. В основном, она коснулась тех повстанцев, чья вина не была доказана. Но приписка к категории государственных крестьян делала невозможным для этих ссыльных возвращение на родину. «Переселение, со всеми его нравственными условиями и задачами на вечную утрату родины, приняло, таким образом, значение наивысшей меры наказания для людей наименьшей виновности»¹.

Ссылка на водворение осуществлялась в административном порядке и масштабно применялась к целым семьям и даже населенным пунктам, охватывая не только лиц, замешанных в восстании, но и людей совершенно случайных. Причиной их ссылки обычно являлось косвенное участие в мятеже: укрывательство бежавших при разгроме вооруженных формирований, помощь продовольствием. Нередко жители деревень оказывались виновны лишь в том, что отряды мятежников случайно проходили мимо либо скрывались в ближайших лесах². Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев практиковал высылку целых шляхетских околиц, пытаясь тем самым уничтожить само наименование мятежных населенных пунктов. Примером может служить околица Яворовка Белостокского уезда, жители которой, по словам Муравьева, «принимали самое деятельное участие в мятеже». Они вступали в ряды повстанцев, доставляли им сведения о движении российских войск, припасы и продовольствие, указывали лиц, преданных правительству, вследствие чего последние подвергались всякого рода гонениям, истязаниям и, нередко, смертной казни. Из каждого двора этой околицы «почти все молодые люди, способные носить оружие, вступили в мятежнические шайки»³. Бывший гродненский губернатор

¹ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. III. С. 363.

² Там же.

³ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18465. Л. 9 об.

граф В. А. Бобринский признал необходимым уничтожить Яворовку, чтобы строгим примером образумить соседние шляхетские околицы и обуздать своеволие их населения. В сентябре 1863 г. Муравьев отдал распоряжение о водворении ее жителей на казенных землях Томской губернии. Всего из Яворовки было выслано 33 шляхетских семьи общим количеством 144 человека¹. Жителей околицы предполагалось поселить в различных округах Западной Сибири, чтобы они не могли контактировать друг с другом.

Обыватели околиц Речица и Тарногорки Игуменского уезда Минской губернии оказались виновными в снабжении в течение двух недель продовольствием повстанческого отряда Болеслава Свенторжецкого. Когда имперские войска проходили через эти околицы, то никто из жителей не указал на местонахождение повстанцев, хотя размещались они в прилегающем лесу, и жители знали об этом². Виновная шляхта была отправлена в Томскую губернию

Массовые репрессии коснулись жителей таких околиц Минской губернии, как Крживоблоты, Дзятовец, Гриневичи, Смоляны, Каменцы, Бухалы, Полонная гряда, Чечеки и Гаврилковичи. Из Ковенской губернии были высланы по этапу в Западную Сибирь 136 жителей околицы Ибяны, 77 жителей деревни Нарвейше, 93 жителя деревни Люпаюнская, 22 семьи (169 душ) околицы Сутино³. В Гродненской губернии массово пострадали жители деревень Шумли и Пеняжки, в Могилевской – населенных пунктов Тертеж, Марусенька, Литутей, Сяножатки. Некоторые околицы (Щука, Пеняжки, Яворовка, Ибяна) после отправки их жителей в Сибирь были сожжены. Имена ссыльных распродавались. Вырученные деньги должны были раздаваться владельцам распроданных имений, причем независимо от определенного для переселенцев положения Комитета по делам Западных губерний денежного пособия на домашнее и хозяйственное обзаведение.

В Тобольской губернии доля сосланных на водворение составляла 42,6 % относительно всех политических ссыльных, а в Томской она была почти в 2 раза выше (84,2 %) ⁴. Это объясняется наличием в округах Томской губернии большего количества территорий, удобных для поселения. Но представители этой категории ссыльных назначаются не только в округа. Сосланные на водворение составляли значительный процент

¹ ОР РНБ. Ф. 379. Д. 332. Л. 137.

² ИсАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18465. Л. 282–282 об.

³ ОР РНБ. Ф. 379. Д. 332. Л. 137–138 об. (См. Приложение 16); ИсАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18465.

⁴ Приложение 11.

среди лиц, отбывавших наказание в окружных городах Тобольской губернии (41,8 %). Особенно много таковых оказалось в Таре и Ишиме. Сравнение видов наказания и социальной принадлежности поляков говорит о том, что в окружные города направлялись, в основном, дворяне, сосланные на водворение без лишения прав. Для них ссылка на водворение приравнивалась к ссылке на жительство.

Вторая по объему группа ссыльных – сосланные на жительство, житье или поселение – составляла 32,6 %. Распределение ссыльных этой категории по населенным пунктам Западной Сибири было почти противоположным распределению водворенцев. Сосланные на жительство направлялись в города, причем их доля в Тобольской губернии была в 3,5 раза больше, чем в Томской. Персональный состав этой категории ссыльных с течением времени изменился. С одной стороны, сосланные на жительство в большей степени были подвергнуты промежуточным амнистиям, с другой стороны, эта категория постоянно пополнялась за счет перевода поляков из других разрядов (каторжан, поселенцев, сосланных в военную службу), а также за счет «дряхлах» и оставленных в Западной Сибири «на временное жительство».

Среди сосланных на жительство участников Январского восстания 62 % представляли лица, высланные по суду с лишением или ограничением прав состояния, а 38 % – высланные административно, без лишения прав. Сводные статистические данные по Западной Сибири середины 1865 года демонстрируют большую долю повстанцев, высланных с ограничением прав: 79 % против 21 % ссыльных второй группы¹. В середине 1866 года соотношение немного изменилось в сторону уменьшения первой категории и составило 69 % против 31 %². Увеличение количества высланных в административном порядке позволяет говорить либо о более жестких мерах, применявшихся к восставшим в начальный период подавления восстания, либо о том, что основные преступники к этому времени уже были наказаны и в Сибирь устремился менее виновный контингент.

Ссылка на службу в войска Российской империи была очень распространенным видом наказания в первой половине XIX века. Официально считаясь наиболее мягким видом наказанием, служба в войсках была достаточно тяжелой карой, поскольку предполагала пятнадцатилетнюю службу в трудных для жизни условиях. За «хорошее поведение»

¹ Из 1 318 повстанцев, сосланных на жительство, 921 человек был выслан с лишением и ограничением прав, 251 человек – без лишения прав, 146 – в неизвестном качестве. Процентное соотношение подсчитано без учета последней группы (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6314. Л. 5–19).

² ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769. Л. 70.

предусматривалось возвращение на родину в «отпуск», из которого, если позволяло здоровье, могли в любой момент призвать в армию¹. Во второй половине XIX века масштабы ссылки на службу заметно снизились. К участникам Январского восстания этот вид наказания применялся только до военной реформы 1864 года

Подробное описание службы в сибирском линейном батальоне представил Ежи Красковский. Общий распорядок службы выглядел так: два раза в день муштра (когда не было иных занятий), охрана госпиталя, каких-нибудь складов, арестантов в городском остроге, в праздничные дни – парады². Эти обязанности не были слишком тяжелы, но отсутствие нормальных условий жизни, недостаток здоровой пищи и свежего воздуха в казармах постоянно порождали болезни. Казарма была рассчитана почти на сто человек, а на одних нарах могли спать пятьдесят солдат, один около другого. Под нарами хранили постель и имущество. Особенно трудно было находиться в помещении днем:

...Каждый солдат открывал свое хозяйство под нарами и начинал какое-либо производство: один шил ботинки (и таких было большинство), другой портняжил, третий что-то мастерил, четвертый чистил оружие, пятый выметал из-под нар, другой делал папиросы, и все без исключения поднимали такой шум, что иногда сапожного молотка или стука топора нельзя было услышать³.

Военная служба создавала возможность тесного взаимодействия поляков с русскими солдатами, помогала усваивать язык, обычаи, социальные нормы нового государства. И первым шагом на пути к вливанию в новое общество было принесение российской присяги. В конце XVIII века поляков заставляли принимать присягу сначала «достаточно мягкими словами», а потом палками, плетью и батогами⁴. Спустя столетие присяга воспринимается польскими солдатами столь же болезненно. Известно, что 8 апреля 1864 г. поляки, зачисленные на службу в 1-й Сибирский линейный батальон, отказались принести присягу на верность российской короне. Они уверяли начальство, что готовы служить, но принести присягу не могут, так как поступили на службу не по желанию, а по назначению правительства. Властям эти доводы показались не убедительными,

¹ Śliwowska W. Ucieczki z Sybiru. Warszawa, 2005. S. 8.

² Kraskowski J. Z niedawnej przeszłości. Urywki z pamiętnika // Przegląd Powszechny. 1894. T. 41. Z. 3. S. 347.

³ Ibid. S. 343–344.

⁴ Lubicz-Chojecki K. Pamięć dzieł polskich. Podróż i niepomysłny sukces Polaków. Na podstawie pierwodruku z 1789 roku wydali oraz przypisami i komentarzami opatrzyli Antoni Kuczyński i Zbigniew J. Wojcik. Bagno – Warszawa – Wrocław, 1997. S. 76.

и командир Отдельного Сибирского корпуса генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель велел в случаях отказов от присяги предавать поляков военному суду¹.

В Базе данных сохранилась информация о 109 повстанцах, отбывавших наказание в войсках Западносибирского военного округа, что составляет 4,2 % от числа всех повстанцев, сосланных в регион. Почти треть этого количества служила в 1-м Западносибирском его императорского высочества великого князя Владимира Александровича линейном батальоне (Омск). Во 2-м Западносибирском линейном батальоне отбывали наказание 15,6 % представителей данной категории ссыльных, в 3-м – 14,7 %, в 4-м – 23,9 %, в 5-м и 7-м – по 2 человека. В общей сложности в линейных батальонах Западной Сибири находилось 85,3 % повстанцев, сосланных в военную службу. Остальные 16 человек служили в губернских батальонах и местных командах.

Военные формирования и, соответственно, служивших в них поляков сложно приписать к какому-либо определенному населенному пункту, так как из основного места дислокации отдельные роты часто перебрасывались в иные местности. Пограничное положение со Степью сделало местом нахождения основного количества воинских команд Западной Сибири город Омск. В 1860-е гг. в городе и округе дислоцировались 1-й, 3-й и 5-й линейные батальоны, где служило, в общей сложности, 44 % поляков, сосланных в войска Западной Сибири. Кроме того, с Омском тесно были связаны военные формирования, располагавшиеся на территории Степного края, например, 4-й линейный батальон. Не случайно больше половины поляков, уволенных из войск на жительство в Западную Сибирь, были причислены к Омску. Михаил Галлер, хотя и был назначен в батальоны Амурского края, отбывал наказание в Западносибирском военном округе, а 2 апреля 1866 г. перешел на жительство в Омск. В 1866 году служившие в 5-м линейном батальоне повстанцы В. Мациевский и А. Новогонский были переведены в гражданское ведомство и выразили желание навсегда остаться в Омске. На жительство в Омск перешли В. Вислоцкий, М. Гринаш, В. Довиат, М. Доленгевич, И. Жук, А. Климанский, Г. Красковский, Т. Миткевич, В. Ольшевский, К. Пекарский, И. Пшебашевский, К. Топольский, Э. Урбанович, И. Черский и С. Хруцкий. В основном, уволенные с военной службы повстанцы расселялись в городах, прежде всего, губернских; 13 человек осело в Степном крае.

Примеры перехода с военной службы к ссылке на жительство зафиксированы уже в 1865 году. Но особенно бурно процесс увольнений начался

¹ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 116.

с 1868 года, когда высочайше утвержденным положением Комитета министров повстанцам, отданным в военную службу «без зачета», при одобрительном поведении было разрешено демобилизоваться «без именованья воинским званием» и возвратиться на родину. Тех, кто не захочет уезжать или на возвращение которых не согласятся главные начальники Царства Польского и Западных губерний, надлежало препроводить на жительство в указанные министерством губернии Европейской России¹. В 1869 году из 2-го линейного батальона были уволены в гражданское ведомство 14 поляков. Они должны были отправиться по 2 человека в Пензенскую, Тамбовскую и Костромскую губернии и по 4 человека в Вятскую и Казанскую. Из их числа 8 человек (В. Крамковский, К. Лещинский, С. Франц, О. Стрелецкий, В. Сокол, А. Касперович, И. Пацевич и К. Клубович) изъявили желание поселиться в Акмолинске².

В целом, зафиксировано возвращение на родину 13 поляков, отбывавших наказание в войсках Западной Сибири, а в Европейскую Россию – 19-ти. Всего к началу 1871 года было уволено более 80 % повстанцев. Оставшиеся были лицами, отданными в военную службу «в зачет будущих наборов». Начальникам дивизий разрешили простить им штрафы и перевести из разряда штрафованных. В 1872 году 10 представителей этой категории были отправлены из 1-го линейного батальона во временный отпуск в Омск. Все они изъявили желание проживать на родине (Ю. Кельчинский, И. Ковальский, И. Красовский, О. Неловский, Ф. Скабневский, Б. Фриц, А. Чернот, Б. Фрицлер, Я. Пыховский, В. Гарчинский, Л. Врублевский)³.

0,6 % из числа поляков, отбывавших наказание в Западной Сибири, то есть 18 человек, находились в арестантских ротах. Нам удалось выявить трех узников Омской военно-арестантской роты, высланных в 1863 году за участие в мятеже, и 13 повстанцев – австрийских подданных, отбывавших наказание в Тобольской военно-арестантской роте. Сведения о них практически отсутствуют. Известно, что в Томской военно-арестантской роте также находилось 5 иностранцев, сосланных за участие в мятеже, но уже 15 августа 1868 г. они были отправлены на родину⁴.

Структура приговоров, зафиксированная нами на основе Базы данных, не всегда соотносится со сведениями статистики. В середине 1865 года в Томской губернии из числа участников Январского восстания сосланные

¹ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1867. Д. 280. Л. 176–176 об.

² ИСАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8948.

³ Там же.

⁴ Михайло Буякевич, Антон Глушак, Ян Примашевский, Мартын Канн, Якуб Гумуляш (эти ссылные не вошли в нашу Базу данных, поскольку сведения о них поступили в процессе завершения работы над книгой) (ГАТО. Ф. 2. Оп. 54. Д. 592).

на водворение составляли 89 %, а в Тобольской – 62 %. Общий расклад количества польских ссыльных по Западной Сибири был следующим: 82 % высланных на водворение, 18 % – на жительство и на поселение¹. Но статистика конца 1866 года уже ближе к нашим данным. По сведениям властей на этот момент из 3 550 польских политических ссыльных Тобольской губернии 1 135 человек (32 %) были высланы на житье и 2 415 (68 %) – на водворение, то есть первых было примерно в 2 раза меньше². Точно такой же результат получен на основе наших данных. Можно предположить, что изменение соотношения различных категорий ссыльных во времени было связано с тем, что в первые годы борьбы с мятежниками ссылка на водворение была более интенсивной

Социальный состав ссыльных включал все слои населения, проживавшие на территориях, охваченных восстанием³. Без учета ссыльных, чье социальное происхождение нам неизвестно, привилегированные сословия составили 62,9 %, податные – 24,3 %, иностранные подданные – 12,7 %. Таким образом, привилегированных было в 2,6 раз больше. В. М. Зайцев на основании исследования сведений о 20 629 репрессированных участниках восстания выделил из их количества 51,57 % принадлежащих к привилегированным сословиям и 48,43 % – к податным⁴. Думается, что имело место отличие социального состава всех репрессированных участников Январского восстания и той их части, что была выслана в Западную Сибирь. Оно было вызвано тем, что в Западной Сибири оказалась большая группа сосланных на жительство лиц, среди которых подавляющее большинство составляла шляхта. Так как в Тобольской губернии поляков, отправленных на жительство, было больше, чем в Томской, следовательно, и больше оказалось ссыльных привилегированных сословий. Эта зависимость объясняет низкий процент последних в округах – 24,9 % и высокий в губернских, окружных и малых городах – 79,1 %, 90,8 %, 83,8 % соответственно

Наибольший процент привилегированных сословий дали окружные города. Самыми «дворянскими» здесь оказались Ишим и Курган. В губернских городах наибольшей долей шляхты отличался Омск. Видимо, более дворянский состав польской ссылки в указанных населенных пунктах стал итогом целенаправленных действий администрации. А. И. Деспот-Зенович отмечал, что «старался людей высшего общественного положения,

¹ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6314. Л. 5–19.

² Там же. Д. 5769. Л. 146.

³ Приложение 8.

⁴ Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. М., 1973. С. 221.

по возможности, оставлять в Тобольске или посылать в Омск и Курган, потому что местности эти представляют больше удобства для полицейского надзора»¹. С течением времени состав польских колоний в губернских центрах демократизируется, что было связано с миграцией в город поляков, сосланных на водворение. Дворянский облик польской ссылки в некоторой степени нивелировался за счет добровольных переселенцев, среди которых податные сословия играли ведущую роль. Кроме того, дворяне чаще попадали под действие промежуточных амнистий и покидали Сибирь. А из тех, кто прочно осел в Сибири, большинство представляли лица низших сословий и обедневшей шляхты². В результате, к 1877 году только 34 % поляков Омска будут иметь дворянское происхождение³. А в начале XX века корреспондент «Иллюстрированного еженедельника» увидит в Омске поляков, в основном принадлежащих к беднейшему классу, прежде всего, к рабочим:

Интеллигенция относительно невелика: чиновники разных разрядов гражданских и железнодорожных, горстка военных и несколько промышленников и представителей торговых фирм. В общем, это люди среднего достатка; только некоторые занимают выдающиеся и лучшие должности...⁴

По данным переписи 1897 года среди польского населения Сибири большая часть была представлена крестьянами (49,6 %), мещан было 15,2 % и только 13,9 % составляли личные, потомственные дворяне и чиновники⁵. Но даже такой расклад смотрелся более выигрышно по сравнению с Восточной Сибирью. «В западной части проживают в основном люди интеллигентные с некоторым запасом сведений и даже запасом финансов, – отмечали современники, – в Восточной Сибири, по большей части, люд»⁶.

В округах с течением времени социальный состав предположительно изменялся в сторону уменьшения дворян, переселяющихся в город. Степень миграции в город была также высокой в среде мещан и евреев.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 129. Л. 36 об.

² Шостакович Б. С. Поляки в Сибири в 1870–1890-е годы (из истории русско-польских отношений в XIX веке). С. 27.

³ Словцов И. Я. Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из одной переписи 1877 г. Часть 1. Омск, 1880. С. 84.

⁴ Kolonie polskie na Syberyi // Tygodnik Ilustrowany. Rok 1907. Półroczce 1-sze. № 7. S. 148–149.

⁵ Скубневский В. А. Польское население Сибири по материалам Переписи 1897 г. С. 172.

⁶ Kraj. Tygodnik polityczno-społeczny. Petersburg, 10 (22) października 1882 г. Rok 1. Nr 15. S. 7.

В 1872 году, по данным А. Макарова, в округах Тобольской губернии податные сословия составляли уже 75 %, а привилегированные только 18 %¹.

По сведениям польских историков, в Западную Сибирь за участие в Январском восстании было выслано 100 священников². Мы обладаем более или менее подробными сведениями о 97 ксендзах. В их число не попали упомянутые И. Н. Никулиной Франц Буткевич, Александр Гриневицкий, Венцеслав Гундус и Плетан Ковалевский, А. Монюшко, Мотанович, Юлиан Пацевич, Бонифаций Писанко, Адриан Ржеконский и Петр Франкович, поскольку об их пребывании в регионе сведений практически не сохранилось.

По мнению исследователей, в Западной Сибири священники были размещены, главным образом, в сельской местности и небольших городах³. По нашим данным, 75 % ксендзов, отбывавших наказание в Западной Сибири, были расселены в крупнейших городах региона: в Омске – 18 человек, Тобольске – 24, Томске – 24 и Мариинске – 16. Со временем количество духовных в этих городах увеличилось до 88 % за счет переездов ксендзов из окружных городов. Нам известен только один случай пребывания ксендза в округе: Иосиф Сржедзинский был назначен в село Уртам, но уже в 1864 году он переселяется в Томск. Наличие костела привлекало ксендзов в губернские центры. Но в данном случае сказались и приоритеты властей. Компактное проживание ксендзов облегчало полицейский надзор за ними. Практика массового содержания духовных лиц присутствовала и в иных регионах. Так, в Восточной Сибири, в Тунке власти изолировали 164 польских священника⁴. Особенностью Западной Сибири было только то, что концентрировать священников власти пытались не в наиболее отдаленных и глухих уголках империи, а в губернских центрах.

Распределение ксендзов согласуется со структурой приговоров. Нам известны приговоры 80 священнослужителей. Из них 77 человек (96,3 %) были высланы на жительство или житье, главным образом, без лишения прав⁵. Сравнивая структуру приговоров ксендзов и поляков других

¹ Макаров А. Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западных губерний после мятежа 1863 года. Вып. 21. С. 123.

² Kaczyńska E. Wstęp. S. 69.

³ Зюлек Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания. С. 138; Недзелюк Т.Г. «Память Сибири». Ссылные католические священники и образ региона в их воспоминаниях // Образ Сибири в общественном сознании Россиян XVIII – начала XXI в. Новосибирск, 2006. С. 82.

⁴ Зюлек Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания. С. 141.

⁵ Из известных нам 70 случаев без лишения прав на жительство или житье было выслано 52 человека, а с лишением прав – только 18.

сословий, можно увидеть подтверждение точки зрения исследователей о том, что представители духовенства рассматривались как более виновные и, соответственно, наказывались строже.

Из непривилегированных сословий большую часть составляли мещане – 9,5 %, и крестьяне – 8,4 %. Обе эти категории в значительной степени были размещены в Томской губернии и, в основном, в округах. Исключение составляет Томск, где мещане составили более 20 % всех ссыльных, чья социальная принадлежность нам известна, а крестьяне – около 5 %.

Информация о *происхождении* (месте жительства до ссылки и национальности) политических преступников в архивных документах указывается не всегда. При водворении ссыльных опрашивали только о возрасте, социальном статусе, роде занятий на родине и физическом положении, чтобы безошибочно причислить их к определенной категории, а вопрос о месте проживания и национальной принадлежности не поднимался¹. Исключение составляли лишь иностранные подданные, участвовавшие в восстании. Уже на первых этапах ссылки местная администрация выделяет их как специфическую категорию, требующую особого управленческого подхода. Уроженцы же Западных губерний в глазах сибирской администрации сливались со ссыльными, прибывшими из Королевства Польского, и идентифицировались как поляки.

Мы установили происхождение у половины ссыльных, вошедших в нашу Базу данных². Без учета лиц, происхождение коих неизвестно, уроженцы Царства Польского составили 17,4 %, а уроженцы Западного края – 69,2 %, то есть первых было в 4 раза меньше. Схожее соотношение дает официальная статистика. Абсолютным лидером по поставке поднадзорных в Западную Сибирь являлась Ковенская губерния. Её представители составляли более 30 % относительно всех уроженцев Западного края, сосланных в регион. Затем шли Виленская, Гродненская и Минская губернии – 21 %, 20 % и 14,5 % соответственно. Среди уроженцев Царства Польского около 40 % ссыльных вышло из Варшавской губернии. Августовская, Люблинская и Радомская губернии дали соответственно 24 %, 17 % и 15 %.

В Томской губернии доля уроженцев Царства Польского оказалась немного больше. Это объясняется наличием там большего процента лиц непривилегированных сословий, а, по мнению исследователей, более отчетливо дворянский характер восстания проявился в Западных губерниях³. Это предположение подтверждают данные Приложения 12,

¹ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6314. Л. 4.

² См. Приложение 9.

³ *Зайцев В. М.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. С. 221–222.

отразившие соотношение социального состава ссыльных и их происхождения. Среди представителей привилегированных сословий уроженцев Западных губерний было в 7 раз больше, чем уроженцев Царства Польского, а среди представителей непривилегированных сословий – только в 1,5 раза. Это объясняет и то, что в округах доля уроженцев Царства Польского оказалась больше, чем в городах.

В округах Западной Сибири уроженцев Царства Польского было в 2,3 раза меньше, чем уроженцев Западных губерний¹, в губернских центрах – в 3,5 раза; в окружных городах, где польские колонии были самыми дворянскими – примерно в 15 раз, в малых городах – в 17 раз. Эти данные совершенно опровергают предположение некоторых исследователей о том, что в городах Западной Сибири преобладали поляки-уроженцы Царства Польского²

Особо следует отметить повстанцев, отбывавших наказание в войсках Западной Сибири. Анализ социального состава этой категории ссыльных дал очень незначительную разницу количества привилегированных и непривилегированных слоев: 31 % против 29 %. Но уменьшение объема первых не сказалось на увеличении доли уроженцев Царства Польского, которых среди ссыльных данной категории было в 4 раза меньше, чем уроженцев Западных губерний. Это вызвано тем, что ссылка «на военную службу» чаще использовалась при подавлении восстания в Западных губерниях, чем на территории Королевства, где карательная политика медленнее набирала обороты. В то же время, в первые месяцы после подавления восстания ссылка в войска использовалась чаще иных видов наказания, а с 1864 года и вовсе прекратилась.

Выделяются несколько населенных пунктов, отличающихся однородностью происхождения ссыльных. В Омске уроженцы Ковенской губернии составили 27 %, в Таре лидировали выходцы из Минской губернии – 83 %, в Ишиме 67,5 % являлись представителями Гродненской и Ковенской губерний примерно в равном соотношении. Подобная концентрация в ссылке уроженцев одного административного района вряд ли являлась следствием распределительной политики правительства, но однозначно

¹ Эти данные соотносятся с официальной статистикой. На июль 1865 г. в числе 5 082 участников январского восстания, высланных на водворение в Томскую губернию, приблизительно 3 500 человек составляли уроженцы Западных губерний, остальные же являлись уроженцами Королевства Польского. То есть уроженцев Царства Польского было в 2,2 раза меньше уроженцев Западных губерний (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 6314. Л. 4).

² *Пяткова С. Г.* Польская политическая ссылка в Западную Сибирь в пореформенный период. С. 113–114.

способствовала пробуждению региональной идентичности и земляческих отношений.

В сельских поселениях также встречались факты сосредоточения уроженцев той или иной губернии. По свидетельству омского вице-курата Гриневского, поляки Царства Польского преобладали в Юдинской, Колмаковской волостях Омского округа и Усть-Ламинской волости Ишимского округа. В селе Троицком и некоторых волостях концентрировались выходцы из Гродненской губернии, в Баженовской волости – ссыльные преимущественно из жудинов, но «разница эта соразмерно числу всех переселенцев-католиков едва заметна»¹. Особенности оттока ссыльных в ходе промежуточных амнистий, о которых говорилось выше, приведут к постепенному увеличению доли уроженцев Западных губерний в регионе, особенно, в губернских и окружных городах.

По данным С. В. Максимова, в Сибирь угодило 385 иностранцев². Нам удалось собрать сведения о 284 иностранцах, что составило 12,7 % выборки. То есть не менее трех четвертей иностранцев, участвовавших в восстании, отбывали наказание в Западной Сибири. Большинство иностранцев (61 %) составляли австрийские подданные (преимущественно поляки из Галиции), 35 % – прусские, главным образом, поляки из Познани. Оставшиеся 4 % составляли французы (Александр Болтозар, Иван Дарно, Игнатий Остромицкий и Андрей Зелинский), итальянцы (Людгар Перевости), саксонские немцы (Карл Риетте), швейцарцы (Георгий Женетто) и те иностранцы, происхождение которых точно не известно (Шимон Порадзинский, Людвиг Женунский, Канн Гиршев, Осип Прушинский). Иногда под видом иностранных подданных скрывались поляки, проживавшие на территории Российской империи. Сосланные в Томскую губернию и обозначенные в списках как иностранцы – Франц Янковский, Валентий и Иосиф Сморчевские, Андрей Домбровский – в действительности оказались уроженцами Гродненской губернии; Иосиф Сковронский – крестьянином Плоцкой губернии; Антон Фишер проживал в Царстве Польском³. Польская исследовательница М. Мичиньская обнаружила около 30 поляков “z zabóru gosyjskiego” [с территорий, аннексированных Россией. – *пол.*] и даже одного француза, которые пытались выдать себя за австрийских подданных, чтобы получить возможность воспользоваться амнистией и выехать из Сибири⁴.

¹ РГИА. Ф. 822. Оп. 1. Д. 752. Л. 4–4 об.

² Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. III. С. 359.

³ ИсаОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8193. Л. 21 об., 39.

⁴ Micińska M. Galicjanie – zesłańcy po powstaniu styczniowym... S. 14.

Размещение иностранцев отличалось неравномерностью, более 70 % отбывали наказание в Тобольской губернии. Поскольку основная их масса была выслана на водворение, то местом жительства для них стали преимущественно округа (84 %). Причем 64 % иностранцев, там водворенных, были сосредоточены в округах губернских городов. В целом, наибольшее количество иностранных подданных проживало в Омском и Каинском округах: соответственно 40 % и 14 % от числа всех лиц данной категории, сосланных в Западную Сибирь. В малых городах иностранцев не оказалось вовсе.

Только у части лиц мы смогли зафиксировать *возраст* на конкретный период времени и вычислить год рождения¹. Возраст остальных предположительно дан по партионному списку на 1863 год. В итоге, 30,2 % ссыльных имели возраст до 20 лет; 51,1 % – с 21 года до 40 лет; 18,7 % были старше 40 лет. Сравнение с общероссийскими данными демонстрирует в Западной Сибири увеличение категории молодежи до 20 лет в 2,5 раза, а также ссыльных старше 40 лет – в 9,5 раз за счет группы лиц от 21 года до 40 лет – в 1,7 раз². То есть наиболее способная к адаптации группа ссыльных брачного возраста в крае была представлена относительно мало. Возможно, это произошло вследствие незначительного присутствия в регионе лиц, сосланных на военную службу – самой молодой категории ссыльных.

В воинские формирования в счет набора отдавали тех мятежников, кто не принадлежал к привилегированным сословиям и присоединился к повстанцам добровольно или чтобы избежать рекрутства³. Некоторых из них рекрутские присутствия не приняли, так как конскрипционный возраст ограничивался 20–30 годами. По требованию воинских начальников указом наместника возрастной ценз для принятия в военную службу мятежников был установлен с 17 до 35 лет, в то время как ранее для рекрутских наборов действовало возрастное ограничение с 20 до 30 лет.

Статья 147 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в Царстве Польском (Codex Kar) предусматривала возможность отдачи за преступление в солдаты с 14-летнего возраста. И примеры, когда на службе в сибирских гарнизонах оказывались лица, моложе 17 лет и старше 40 лет, имеются (О. Неловский – 15 лет, А. Чернот – 14 лет, К. Малецкий

¹ Приложения 5, 6, 10.

² Данные по всем участникам восстания 1863 г., сосланным вглубь империи: лица до 20 лет – 12 %; 21–25 лет – 50 %; 26–30 лет – 27 %; 31–40 лет – 9 %; с 41 года – 2 % (Kaczyńska E. Wstęp. S. 68).

³ Российский государственный исторический архив (РГВИА). Ф. 484. Оп. 3. Д. 109. Л. 1.

и Ф. Велибовский – более 40 лет). Эти случаи, как и те, когда на службу отправлялись представители привилегированных сословий, относятся к ссылке в войска не в зачет рекрутов. Реально отделить представителей одной категории от другой достаточно сложно.

Наиболее «старой» категорией ссыльных оказались сосланные на жительство. Поэтому польская колония в Тобольской губернии оказалась более пожилой, чем в Томской. Сыграл свою роль также указ Исполнительной комиссии 1865 года, разрешивший некоторых из польских переселенцев, предназначенных для водворения в Томской губернии, по состоянию здоровья оставлять в Тобольской. Множество «дряхлах» оседает в самом Тобольске. Ссыльных в возрасте старше 40 лет здесь было больше, чем в Омске и Томске.

Самыми «молодыми» оказались ссыльные малых городов: лица до 40 лет здесь составляли почти 92 %. Затем следуют округа – около 83 % и губернские города – без малого 80 %. Самые «старые» поляки собрались в окружных городах: лиц до 40 лет здесь было 77,3 %.

Обращает на себя внимание присутствие среди ссыльных несовершеннолетних и детей. По данным С. В. Максимова, в Тобольской губернии из 1 175 политических ссыльных, находящихся под надзором полиции, более 35 % принадлежит молодежи от 16 до 25 лет. «Между ними оказались сосланными даже такие, которые в Тобольске с увлечением пускали бумажного змея, играли мячиком и, однако, считались и называли себя политическими преступниками»¹. Еще до конца 1864 года было передано в распоряжение министерства внутренних дел или уже осуждено на месте 548 несовершеннолетних повстанцев Царства Польского, из которых 20 человек имели возраст младше 15 лет, и 528 – с 15 до 18 лет². По нашим данным, 186 человек прибыли в Западную Сибирь в возрасте младше 15 лет, но, возможно, в их число, попали дети, высланные при родителях. Одновременно общее количество несовершеннолетних, оказавшихся в Сибири, как ссыльных, так и членов семей повстанцев, значительно больше. Думается, что именно эта категория поляков органично и быстро вписывалась в сибирское общество, идя по стопам социализации своих родителей.

96,5 % ссыльных составляли мужчины, 3,5 % – женщины. Официальная статистика подтверждает наши цифры. По данным Томского губернатора, в начале 1867 года в городах Томской губернии проживало только 13 женщин, уроженок Юго-Западного края, сосланных

¹ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Ч. III. С. 360.

² ОР РНБ. Ф. 379. Д. 332. Л. 136.

в административном порядке «на житье», и 19 женщин, не известно за что судимых и откуда высланных¹. Общее количество польских ссыльных в городах Томской губернии на этот период оценивается в 848 человек², значит, женщины составляли около 3,8 % от общего количества ссыльных.

Женщины были старше мужчин. Среди них оказался больший процент замужних и прибывших в Сибирь вместе с родственниками. Особенности распределительной политики привели к тому, что женщин оказалось больше в Тобольской губернии, особенно в Тобольске (почти 8 % от всего количества ссыльных). Это самый большой результат среди городов Западной Сибири. Доля женщин в окружных городах составила 5,2 %, в малых городах – только 0,8 %.

Значительно больше было женщин, высланных с мужьями и пришедших в Сибирь добровольно вслед за своими родственниками. Особенно много таких оказалось в округах, поскольку жены лиц, удаляемых из места жительства административным порядком и по особым высочайшим повелениям, были обязаны следовать за мужьями, а дети за родителями³. Определить, каким образом женщина попадала в Сибирь, была она сослана за участие в мятеже, «выслана при муже» или отправилась за Урал добровольно, не всегда возможно.

Учет добровольных сопровождающих затруднен, главным образом, из-за постоянно изменяющегося количества детей ссыльных вследствие рождаемости и смертности. Не всегда в документах указывалось точное количество потомства. Поэтому там, где значилось «дети», мы подразумеваем минимальное их количество – двоих, но не одного ребенка, поскольку, если он был один, то в документах чаще всего фигурировали понятия «сын» или «дочь». По нашим данным, сопровождающие лица составляли около 30 % всех ссыльных. Применительно к генеральной совокупности, можно предположить, что в Западную Сибирь последовало добровольно более трех тысяч членов семей. Польские историки фиксируют 1 550 сопровождающих в Западной Сибири (без Омского округа), что составляет 17,5 % всех ссыльных⁴. Официальная статистика на 1866 год говорит, что в городах Западной Сибири на 1 762 политических

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1165. Л. 37–38.

² *Роцевская Л. П.* История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. (60 – нач. 80-х гг.). С. 80.

³ *Макаров А.* Очерк водворения по Тобольской губернии переселенцев из Царства Польского и Западных губерний после мятежа 1863 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1913. Вып. 21. С. 32.

⁴ *Kaczyńska E.* Wstęp. S. 66.

преступника приходилось 345 членов их семей (107 жен и 238 детей), что составляет 19,6 % от общего числа ссыльных повстанцев¹.

В Тобольской губернии процент добровольно прибывших родственников оказался немного больше². Думается, увеличение числа сопровождающих лиц по нашим подсчетам произошло вследствие того, что статистика зафиксировала «добровольцев», прибывших в Сибирь до конца 1866 года, а в нашу Базу данных вошли таковые, приехавшие до конца 1870 года. Возможно, мы учли некоторых детей, родившихся уже в Сибири. Это подтверждает тот факт, что, по нашим подсчетам, их количество среди «добровольцев» значительно выше, чем жен и составляет 62,7 % против 34,3 %, в то время как статистика фиксирует 40 % детей и 36 % жен³. Остальные 24 % «добровольцев» составляют родители, племянники, внуки, сестры, братья, невестки и другие родственники.

Процент жен, прибывших добровольно за мужьями, по вышеуказанным данным составляет по городам Томской губернии чуть более 6 %. Восстановив почти на 100 % персональный состав польской ссылки в Омске, мы выяснили, что женщины, приехавшие в Сибирь по собственной инициативе, составили 5 % относительно всех ссыльных, проживавших в городе. Половина женщин, прибывших в Омск добровольно, привезла с собою и детей⁴.

Положение женщин, оказавшихся в Сибири по своей воле или сосланных при муже, заметно ухудшалось после смерти кормильца, что подтверждают многочисленные примеры. По дороге в Сибирь в декабре 1866 г. умер крестьянин Виленской губернии С. Лель. Его жена, следовавшая за мужем добровольно, с восемью малолетними детьми была отправлена в Тобольск, где проживала в крайней бедности, не имея возможности вернуться на родину. Последние сведения о ней относятся к декабрю 1869 г.⁵ Вероника Валевичева (по мужу Урбановичева), состоявшая на водворении в селе Троицком Кольванской волости, потеряла мужа Людовика 7 ноября 1870 г. и с тех пор находилась в самом бедственном материальном положении, поскольку, имея двух малолетних сыновей – Петра двух лет

¹ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769. Л. 70, 126, 130.

² На 1866 г. в городах Томской губернии на 778 польских политических ссыльных приходилось 132 члена семьи (48 жен и 53 ребенка), что составляет 17 %, а в городах Тобольской губернии на 984 преступника приходилось 213 членов семей (59 жен и 154 ребенка), что составляет 22 % (ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769. Л. 70, 126, 130).

³ ИсАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769. Л. 126, 130.

⁴ Мулина С. А. Участники восстания 1863–1864 гг. в омской ссылке: анализ численности и персонального состава. С. 91.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 6. Д. 37. Л. 2.

и Антона двух месяцев, не могла работать. А волостное правление продолжало взыскивать с нее подати за умершего супруга¹

Елена Прушинская была выслана в Томскую губернию административным порядком вместе с дочерью Анной, зятем Яковом Лентицким и внуком Иваном. Дочь ее умерла ещё в Тобольске, зять и внук – по прибытии в село Бирикуль, и Елена осталась в Сибири без поддержки родственников². Пережила мужа и А. Тышкевич. Она выехала на родину лишь в 1922 году, будучи вдовой, в возрасте 73 лет³.

Из числа всех ссыльных, чье семейное положение нам известно, женатые составляют 44 %, холостые, вдовствующие, и малолетние – около 56 %. Большинство ссыльных, о семейном положении которых нет сведений, скорее всего, также не были обременены семьей⁴. То есть доля холостых ссыльных реально могла колебаться от 56 % до 89 %. Среди населенных пунктов Западной Сибири наибольший процент женатых дали окружные города. Разница между остальными населенными пунктами незначительная. Примерно 15 % женатых ссыльных оставили жен на родине, остальные привезли с собой.

Таким образом, качественный состав ссылки участников восстания 1863 года отличался в различных населенных пунктах Западной Сибири. Чаще всего отличия были связаны с превалярованием в определенной местности той или иной категории ссыльных. Вид наказания оказался связан с целым рядом личных характеристик повстанцев. Так, сосланные на водворение являлись более молодыми, преимущественно непривилегированными с относительно большой долей уроженцев Царства Польского. Сосланные на жительство – это более зрелые, преимущественно привилегированные с относительно малой долей уроженцев Царства Польского. Кроме того, обнаружены зависимости семейного положения ссыльных от его возраста, возраста от пола, происхождения ссыльных от их социальной принадлежности.

Динамика облика ссылки в Западной Сибири определялась обликом безвозвратных потерь. В начале 1870-х гг. ссылка стала менее дворянской, уменьшилась доля иностранцев и уроженцев Царства Польского. Эти черты отражают в большей степени тенденцию изменения облика губернских и окружных городов. В различных местностях динамика облика ссылки имела свои особенности, связанные с миграционными

¹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 18.

² Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1165. Л. 47–48.

³ ИсаОО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 222. Л. 10.

⁴ Это можно предположить, поскольку в большинстве списков особо отмечалось наличие жен и детей, но их отсутствие специально не фиксировалось.

потоками. Так, из округов в города перебираются дворяне, затем евреи и мещане. В малых городах сосредотачиваются молодые, не женатые дворяне, высланные с лишением прав, часто имеющие девиантные наклонности или подвергнутые суду в Сибири.

Самая многочисленная группа ссыльных окружных городов оказалась и самой разнородной. Но каждый отдельный город этого типа отличался относительно большой однородностью ссылки. Возможно, это повлияло на то, что попытки объединения диаспоры ярче проявились именно в окружных городах в форме Курганского общества вспомоществования, ялуторовской и ишимской организаций. В целом, более зрелые, более семейные ссыльные данной группы были менее подвергнуты общественным порокам и более ориентированы на реальные потребности жизни.

В губернских центрах социально неблагоприятный климат постоянно поддерживали дряхлые и больные ссыльные, а появлению устойчивых социальных связей внутри диаспоры препятствовало постоянное обновление их колонии за счет масштабного оттока и притока.